
3·78
E49
1030
Зобачев И. 1905 год в Сибири.

И. ЗОБАЧЕВ

1905 ГОД В СИБИРИ

НОВОСИБГИЗ
1940

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

И. ЗОБАЧЕВ

1905 ГОД
В СИБИРИ

ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО • НОВОСИБИРСК • 1940

Брошюра дает обзор важнейших событий в Сибири в период первой русской революции 1905 — 1907 гг.

Автор использовал документы партархива Обкома ВКП(б), а также, подобранные Е. В. Бердниковой, документы Центрального архива революции о революционной борьбе в Сибири и документы центральных и местных архивов о деятельности С. М. Кирова.

Глава «Крестьянское движение в Сибири в революции 1905 — 1907 гг.» написана В. Н. Березиным.

ОГЛАВЛЕНИЕ

И. Зобачев. 1905 год в Сибири. Новосибирское областное государственное издательство. 1940 г. Индекс П-1-б. Издание № 70.

Редактор *Е. В. Бердникова.* Технический редактор *В. И. Лукашевич.* Корректор *Т. И. Новикова.* Обложка художника *А. А. Туркина.*

Сдано в набор 14 XII 1940 г. Подписано к печ. 26 XII 1940 г. Формат 60×92/16. Объем: 2 бум. листа; 4 печ. листа; 4,925 уч.-изд. листа. 49088 тип. знаков в печатн. листе. Тираж 5000. МН 19331. Цена 1 р.

г. Новосибирск. Типография № 1 Облисполкома. Заказ № 140.

СИБИРЬ ПЕРЕД РЕВОЛЮЦИЕЙ 1905 ГОДА

Постройка Сибирской железной дороги в конце 90-х годов прошлого столетия внесла большое оживление в Сибири.

На строительстве дороги, закончившемся в 1905 году, было занято до 70 тысяч рабочих. Вслед за строителями в Сибирь двинулись квалифицированные рабочие для работы в депо и мастерских железной дороги. А затем по новой дороге хлынули тысячи крестьян-переселенцев, бегущих из центральной России от безземелья, высоких арендных платежей, помещичьей и кулацкой кабалы.

Проведение железной дороги в Сибири ускоряло капиталистическое развитие этой далекой и отсталой аграрной окраины. Вдоль всей линии железной дороги вырастали города и рабочие поселки. Сибирский хлеб, масло, скот пошли на рынки России и за границу. Стала расти и промышленность края.

Крупнейшим предприятием являлась сама Сибирская железная дорога. Общий грузооборот дороги составил в 1904 году около 70 миллионов пудов. Железная дорога потребовала уголь — начала развиваться угольная промышленность. Судженские, Анжерские и Черемховские копи, возникшие в конце девяностых годов, в 1904 году дали уже до 60 миллионов пудов угля. Из добывающей промышленности значительное место занимала золотая промышленность. В 1904 году она дала около 65 процентов всей золотодобычи России. Особенно оживилась обрабатывающая промышленность: винокурение, мукомольное дело, маслоделие. В 1905 году в Сибири уже насчитывалось 1179 маслодельных заводов. Маслоделие было особенно прибыльным делом. Скупая за гроши молоко для переработки на масло, владельцы маслодельных заводов одновременно через свои лавки сбывали втридорога низкосортный залящий товар и закабаляли молокосдатчиков обязательством сдавать молоко по установленной ими цене. На скупке сибирского хлеба и сырья — кожи, шерсти, сала, мяса выросли крупные торговые фирмы, среди которых заметное место стали занимать представители иностранного капитала.

За 1900—1904 годы было вывезено из Сибири хлеба и различного сырья свыше двадцати пяти миллионов пудов. За это же время было ввезено около двух миллионов пудов промышленных

товаров. В этом соотношении виден аграрный характер капиталистического развития Сибири. Здесь шло отмеченное Лениным «распространение сферы господства капитализма на новые территории»[1] со всеми характерными колонизаторскими чертами.

С проведением Сибирской железной дороги и возникновением по линии ее паровозных и вагоноремонтных депо, угольных копей, мельниц и других промышленных предприятий быстро вырос индустриальный пролетариат. К 1905 году в Сибири насчитывалось свыше 200 тысяч рабочих и служащих, из них рабочих рудной и каменноугольной промышленности около 60 тысяч, строителей до 20 тысяч, водников 6 тысяч, железнодорожников около 30 тысяч, рабочих и служащих торговых и промышленных предприятий свыше 70 тысяч человек.

Положение сибирских рабочих было крайне тяжелым, особенно на золотопромышленных приисках. Работать приходилось по 12—14 часов за гроши, за тухлые продукты, за гнилой товар, которым принудительно снабжали рабочих предприниматели из своих лавок.

Жили в казармах. «Казармы большей частью низки, тесны, грязны и душны, — рассказывает доктор Португалов, обследовавший положение приисковых рабочих. — В одной казарме в 14 сажен длиной, 3 сажени шириной и 1 сажень вышиной помещено 40 человек, которые, буквально, лежат, как сельди в боченке... С наступлением ночи казарма быстро наполняется прозябшими и промокшими рабочими: в печках усиливается огонь; на гвоздях, жердях и веревках вокруг печек и близ них развешивается мокрая одежда, сапоги, онучи... Поднимается густой пар и вместе с тем нетерпимый едкий запах прелого пота...»[2]

Не лучше жили рабочие угольных копей, строители, кожевники, рабочие соляных копей.

Иркутский комитет Сибирского союза РСДРП в прокламации, выпущенной по поводу стачки в красноярских железнодорожных мастерских в 1902 году, сообщал: «Заработка рабочему едва хватает на пропитание, денег про запас у него нет. Когда он уходит с железнодорожной службы, ему не на что уехать, а на месте найти другую работу трудно».

Рабочие томских типографий Орлова, Макушина и Яковлева, объявившие стачку в 1903 году, сообщали в бюллетене комитета Сибирского союза РСДРП, что причиной стачки явилась «чрезмерная продолжительность работы (15—16 часов), доводившая рабочих до полного отупения, варварское обращение, пинки, зуботычины... У чорта в аду лучше, чем у Яковлева в типографии, — писали рабочие. — Нас заставляют работать с 8 часов утра до 12 часов ночи в грязном вонючем помещении, да еще в воскресенье до 2 часов дня».

Каторжный труд, каторжная беспросветная жизнь толкали к сопротивлению — рабочие искали выхода в стачках. По далеко не-

---

[1] Ленин. Том III, стр. 464.

[2] К. А. Пажитнов. «Положение рабочего класса в России». Том II, стр. 88—89.

полным данным, собранным В. И. Семевским на основании официальных документов за 25 лет, начиная с 1870 года, на сибирских золотых приисках было 45 волнений и стачек.

В 1898 году возникла первая стачка сибирских железнодорожников в омских железнодорожных мастерских. В 1900 году была проведена первая забастовка в красноярских железнодорожных мастерских. В 1901 году проходила забастовка на постройке железнодорожного моста через реку Енисей. В 1902 году произошли две забастовки на Ленских приисках, в красноярских железнодорожных мастерских вспыхнула вторая забастовка. В 1903—1904 годах бастовали рабочие на постройке тоннелей Кругобайкальской железной дороги.

Вслед за железнодорожниками бастуют: в Томске печатники (1902—1903 гг.), в Чите, Новониколаевске — приказчики и др.

В большинстве случаев все эти стачки носили экономический характер. По мере того, как стачечным движением начали руководить возникшие социал-демократические организации — забастовки стали принимать и политический характер.

Стачечное движение в Сибири выходило на боевой путь классовой политической борьбы, пробуждая и поднимая своей борьбой трудящиеся массы города и деревни.

* * *

В сибирской деревне крестьянские массы не несли непосредственного ярма помещичьего хозяйства, однако, самодержавный помещичий строй с его полицейским гнетом, с налогами, поборами, с многочисленными денежными и натуральными повинностями давил и здесь всей своей тяжестью на бедняцко-середняцкие массы деревни.

Вместе с тем в Сибири, где не было помещиков, были кабинетские земли, принадлежащие первому помещику — главе помещичьего строя — царю Николаю. Число таких кабинетских земель, причем лучших земель, составляло 67,8 миллиона гектаров. Свыше 40 миллионов гектаров этих земель находилось в Алтайском округе и около 27 миллионов в Забайкалье.

Кабинетские земли давали царскому дому большой доход. Только в Алтайском округе доходы от подушного земельного оброка, арендной платы от земель и лесов, доход от торговых площадей и рыночных весов, от соляных озер и т. д. составляли в 1905 году до 3 миллионов рублей в год.

Целая свора кабинетских чиновников опутывала крестьян различными поборами. Эти поборы и запреты, ограждающие интересы «кабинета его величества», вызывали массовое недовольство крестьян.

Ко всему этому в сибирской деревне особенно силен был кулак. Он держал в кабале не только деревенскую бедноту, но опутывал густой сетью эксплоатации значительную часть крестьян-середняков.

Классовое расслоение в сибирской деревне имело отчетливый и ярко выраженный характер капиталистических отношений. В. И. Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России» приводит данные этого расслоения по четырем округам бывшей Енисейской губернии.[1] Эти данные, относящиеся к началу 90-х годов прошлого столетия, говорят о том, что к тому времени одна четверть крестьянского населения (39,4 процента дворов) была совершенно не обеспечена ни площадью посева, ни скотом. Эта часть деревни имела всего 6,2 процента общей площади запашек и 7,1 процента скота. От 20 до 59 процентов этой группы отпускали рабочих, т. е. работали на кулаков. В то же время на другом полюсе деревни — кулацко-зажиточная часть деревни, составлявшая 36,4 процента дворов, имела 73 процента запашки и 74,5 процента всего скота. От 30 до 70 процентов этих хозяйств имели наемных рабочих.

Один из исследователей сибирского крестьянства так характеризует деревню того периода: «Вверху социальной пирамиды стоит «торговец», «кулак», «деревенский капиталист». Далее идет второй слой пирамиды — «крестьяне-богатеи» (обычно — «заимочники»), ведущие обширное хозяйство при помощи наемного труда». Далее внизу социальной пирамиды стоит рядовой крестьянин, «задолженный и торговцу-скупщику, и богачу-хозяину». Этот рядовой крестьянин «нанимается поденно или на «помочи»-поденщины, обычно отрабатывая долг. Землю он приарендовывает, а продукты хозяйства сдает торговцу-скупщику под товар или под деньги... Обычно и товар и деньги взяты вперед».

Скупщики зарабатывали на этих операциях не меньше 20 процентов. А сбывая товар в долг под хлеб, они также зарабатывали 80—100 процентов. Они же ссужали крестьян деньгами для уплаты податей. «Если крестьянину нужны не ситец, не чай, не табак, а деньги для уплаты повинностей и податей, то он вынужден «ссыпать» торговцу хлеб по цене раза в 1½—2 ниже рыночной».[2]

Крестьянин ощущал в деньгах большую нужду, так как почти половину дохода от своего хозяйства он должен был уплачивать в виде податей и налогов.

Классовое расслоение в деревне резко усиливала волна переселенцев, хлынувшая в Сибирь особенно с проведением Сибирской железной дороги. «...Развитие переселенческого движения, — говорил Ленин, — дает громадный толчок разложению крестьянства и особенно земледельческого крестьянства... из районов выселения идет главным образом крестьянство с р е д н е г о д о с т а т к а, а на родине остаются главным образом крайние группы крестьянства. Таким образом переселения усиливают разложение крестьянства на местах выхода и переносят элементы разложения на места вселения (батрачество новоселов в Сибири в первый период их новой жизни)».[3]

При среднем достатке крестьяне, конечно, не могли сразу под-

---

[1] Л е н и н. Том III, стр. 85.
[2] Н. Н. К о з ь м и н. «Очерки прошлого и настоящего Сибири».
[3] Л е н и н. Том III, стр. 133.

нять целинных земель, а тем более производить раскорчевку таежных массивов, где им назначались места для вселения. Расчистка одной десятины стоила 70—100 руб., что не под силу было крестьянину среднего достатка и он вынужден был арендовать землю у кулака-старожила и платить ему высокую арендную плату или отрабатывать ему за пользование землей в качестве батрака в его хозяйстве. Значительная часть переселенцев составляла на первых порах дешевую рабочую силу в кулацких хозяйствах.

Волна переселенцев больше всего оседала в Западной Сибири. Избавившиеся от помещичьей кабалы в России, крестьяне-новоселы, поселяясь в районах кабинетских земель, попадали не в лучшие условия. Свободных земель они и здесь не нашли. Между «новоселами» и «старожилами» происходили многочисленные конфликты, связанные с вопросами о земле, о лугах и т. д.

Тяжелые условия для переселенцев вызывали большой обратный поток их из Сибири в Россию. В 1900 году, по данным П. Головачева, из 213 442 переселенцев, проехавших через Челябинск, вернулось обратно 67 759, т. е. 31,1 проц. В 1901 году вернулось обратно уже 34 процента переселенцев.

Безудержная ростовщическая эксплоатация крестьян деревенскими кулаками и торгашами, самоуправство кабинетских чиновников, обирательство деревенских попов и монастырей и, наконец, произвол и насилия многочисленной своры полицейского и судейского аппарата, волостных заседателей, крестьянских начальников — все это вызывало у крестьян глухое озлобление, вылившееся в 1905 году в массовые волнения.

Еще в более худшем положении находились в Сибири различные туземные народности: эвенки, остяки, якуты, буряты и др. Угнетенные и бесправные, они несли на себе вековой гнет двойной кабалы, нищеты, экономической и культурной отсталости.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ БОЛЬШЕВИКИ И МЕНЬШЕВИКИ

Социал-демократическое движение в Сибири так же, как и в России, возникло с началом развития массового рабочего движения и, в значительной степени, с того времени, как в сибирской ссылке появились политические ссыльные-марксисты.

В сибирской ссылке незадолго перед революцией 1905 года были гениальные строители и вожди нашей партии Ленин и Сталин. Их влияние на формирование и развитие революционной социал-демократии в Сибири уже в то время было огромно.

На первых же порах своего возникновения в девяностых годах революционное социал-демократическое движение в Сибири столкнулось с народниками, которые к тому времени были еще здесь сильны. В сибирской ссылке в то время находилось много выдающихся лидеров народничества. Вместе с тем в Сибири было своеобразное течение областников (Потанин, Ядринцев и др.). Перепевая взгляды народников о крестьянской общине, как о пути к из-

бавлению от всех зол капитализма, эти буржуазные интеллигенты строили теории автономного развития Сибири и представляли на деле интересы растущей сибирской буржуазии. Молодым сибирским марксистам приходилось выдерживать немало боев, чтобы идейно разгромить чуждые пролетариату партии и группы и расчистить путь для развития революционной социал-демократии.

В руках народников и областников была влиятельная в то время газета «Восточное обозрение», выходившая в Иркутске. Быстрое развитие капиталистических форм хозяйства в Сибири, в связи с проведением Сибирской железной дороги, вызвало идейный разброд и расслоение в среде народников. «Все перемены, которые мы ныне переживаем, — писал публицист «Восточного обозрения» в 1896 году, — показывают, что происходит какой-то перелом в жизни Сибири, но пока еще нет достаточно фактов, чтобы сказать в достоверности, куда мы идем».

Сибирские народники до того растерялись перед этими новыми явлениями, что допустили в своей народнической газете марксистскую статью «О судьбах капитализма в Сибири».[1]

Автор этой статьи Л. Б. Красин тогда был в ссылке в Сибири и проживал в Иркутске. Он прибыл в ссылку уже убежденным марксистом. До этого Красин основательно изучил «Капитал» Маркса и был знаком с первыми работами Ленина, в частности с первой работой Ленина «О рынках», которую Красин получил от своего брата незадолго до ссылки в Сибирь. Несомненно, эта работа Ленина нашла отражение в статье Красина «О судьбах капитализма в Сибири». Статья вскрывала процессы капиталистического развития в Сибири. Красин подверг в ней уничтожающей критике взгляды народников о «самобытных» экономических формах, о «народных формах производства». Само строительство дороги Красин определял в своей статье, как один из могучих рычагов «первоначального накопления» капитала в Сибири.

Статья Красина произвела большое впечатление, особенно в среде молодежи, группировавшейся в кружках, созданных народниками.

В это время под влиянием петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» возникли первые марксистские кружки в Сибири: в Томске кружок Воложанина, в Чите — Ем. Ярославского, в Иркутске — Крамольникова, в Красноярске — доктора Хейсина. Переоценка ценностей шла и в среде народников, и часть народников перешла на позиции марксизма. «Правда, — вспоминает тов. Ярославский, — марксизм у некоторых из них был правый... но как бы то ни было, они пробудили у части молодежи интерес к революционной теории марксизма».[2]

Первые марксистские кружки носили пропагандистский характер. Например, кружок Воложанина в Томске, объединяя типографских рабочих, периодически собирался и изучал попадавшуюся

---

[1] Газета «Восточное обозрение», за №№ 121, 122, 123. 1896 г.
[2] «Сибирский союз РСДРП». Издательство «Старый большевик», 1935 г., стр. 5.

марксистскую литературу — «Эрфуртскую программу» и позднее «Коммунистический манифест», работы Плеханова.

«Мы представляли себе, — вспоминает Воложанин, — что надо сначала воспитать себя, сделаться сознательными революционерами, а потом уже двигать политическое сознание в массы». Такой же узко пропагандистский характер имели марксистские кружки и в других городах. Однако, в конце 90-х годов некоторые кружки, тесно связавшись с рабочими, перешли к массовой агитации и стали организаторами стачечного движения и первых политических выступлений рабочих Сибири.

Разброд, начавшийся в социал-демократическом движении России после ареста Ленина и его соратников, появление экономистов — этой первой оппортунистической соглашательской ячейки в рядах марксистских организаций России — нашли свое отражение и в Сибири.

Экономисты были противниками создания единой политической партии. «Экономисты» утверждали, что рабочие должны вести только экономическую борьбу, что же касается политической борьбы, то ее пусть ведет либеральная буржуазия, которую должны поддерживать рабочие».[1]

Такие проявления экономизма были в кружке Воложанина.

Кустарничество, обособленность и раздробленность социал-демократических организаций были питательной почвой идейных шатаний и организационной слабости социал-демократического движения этого периода в Сибири. Но по мере нарастания революционного движения в России, волны которого проникали и в Сибирь, и особенно с выходом ленинской «Искры», и здесь появилось стремление выйти из кружковой ограниченности — возникла идея общесибирского объединения.

Однако «Сибирский союз с.-д.», созданный в начале 900-х годов в Томске, не сумел выполнить своего назначения и не являлся еще партийным центром Сибири. Жизнь требовала иной организации дела, решительного отказа от кустарничества, от замыкания в узкие рамки местной работы и решительной ликвидации экономических настроений и тенденций.

Статьи Ленина в «Искре», доходившие до работников марксистских организаций в Сибири, звали к борьбе за создание революционной марксистской партии — передового отряда рабочего класса в России. В ряде городов создались социал-демократические комитеты искровско-ленинского направления.

Осенью 1902 года в Томске, наряду с кружком Воложанина, создается «Сибирская группа революционной социал-демократии», во главе с Н. Н. Баранским. Там же в это время создается так называемая «третья группа революционных социал-демократов», преимущественно из числа студентов, во главе с И. Писаревым. Такие же группы революционных социал-демократов создаются в Красноярске, Иркутске, Чите, Омске и на некоторых станциях по линии Сибирской железной дороги. К этому периоду относится орга-

---

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 24.

низация первой социал-демократической группы в депо на станции Обь (Новониколаевск).

Созданные комитеты социал-демократических групп развернули кипучую деятельность. Каждый комитет стремился организовать свою подпольную типографию. В типографиях печатались в большом количестве листовки. С изданиями, отпечатанными в своих подпольных типографиях, выступили Красноярский и Томский комитеты. Читинский комитет, руководимый тов. Ем. Ярославским, организовал в день 1 мая 1902 года маевку за городом, на которой присутствовало до 150 рабочих.

Омский комитет остроумно использовал для агитации местную либеральную газету «Степной край». Выделив в редакцию группу товарищей, комитет, несмотря на цензурные рогатки, использовал газету для марксистской пропаганды.

Большое место в изданиях социал-демократических комитетов в этот период занимает перепечатка отдельных номеров газеты «Искра» и статей Ленина.

Вместе с оживлением социал-демократической работы, все больше ощущалась и необходимость объединения. Иркутский комитет, подводя итоги работы за 1902 год, на вопрос «где же выход?» отвечает, что выход этот в создании «крепкой партийной организации профессиональных революционеров. Этот выход, указанный Лениным, мы считаем единственно правильным выходом и теперь».

Статьи Ленина в «Искре» создали решительный поворот в жизни Сибирского социал-демократического союза.

Большую роль в создании социал-демократического объединения Сибири в искровском направлении сыграла иркутская группа социал-демократов во главе с А. Богословским. Преобразованный в январе 1903 года Сибирский социал-демократический союз объявил себя комитетом Российской социал-демократической партии, и в своем программном обращении заявил о полной солидарности с редакцией «Искры». Союзный комитет заявил, что он решительно отвергает оппортунизм как в теории, так и в практике революционной борьбы. «Создание прочно объединенной партийной организации, — говорится в обращении, — является в настоящее время главнейшей и насущнейшей задачей революционной социал-демократии в России».

Получив извещение об образовании организационного комитета по созыву партийного съезда (II съезд партии), Сибирский союз в феврале 1903 года печатает это извещение и от имени союза выражает «полную готовность пойти навстречу начинаниям организационного комитета и делать все, что в его силах, в пользу формирующейся Российской социал-демократической партии». Вслед за этим в июле 1903 года союз печатает пространное обращение «К товарищам», в котором разъясняет задачи революционной социал-демократии в духе указаний Ленина, давая программу действий для всех социал-демократических организаций Сибири.

Сибирский союз РСДРП становится во главе растущего революционного движения в Сибири.

В этом году в Сибири произошли первые массовые выступле-

ния рабочих. 18 февраля 1903 года в Томске состоялась студенческая демонстрация, поддержанная рабочими. «Искра» отмечала, что эта демонстрация может «стать знаменательной своими последствиями». Избиение демонстрантов, устроенное полицией, вызвало огромное возмущение в городе. Томский комитет организовал подготовку к новой демонстрации. Демонстрация, состоявшаяся 20 февраля, собрала около 5000 рабочих и студенчества. Демонстранты шли с красным знаменем и лозунгами «Долой самодержавие!», «Да здравствует политическая свобода!»

Эти первые политические демонстрации в Томске не остались бесследными.

Во всех городах Сибири развернулась усиленная подготовка к 1 мая. Сибирским союзом РСДРП и его местными комитетами были изданы к этому дню многочисленные прокламации. «День первого мая (18 апреля), — сообщал Сибирский союз в газете «Искра», — повсюду прошел в напряженных ожиданиях и приготовлениях полиции, жандармерии и войск. Тысячи листовок и масса различных первомайских инцидентов чрезвычайно популяризировали пролетарский праздник по Сибири».

Демонстрации в Томске, стачки в Красноярске и Иннокентьевской знаменовали выход сибирских рабочих на широкую арену политической борьбы.

Почти одновременно со II съездом партии, в августе 1903 года в Иркутске состоялась первая конференция Сибирского социал-демократического союза. Конференция прошла в ярко искровском направлении.

Отражая мнение всех местных социал-демократических комитетов, конференция приняла следующее решение: «Тактические задачи российской социал-демократии... наиболее верно и решительно высказаны и развиты в «Искре», «Заре» и в книге Ленина «Что делать?» Поэтому в основу настоящего объединения, по нашему глубокому убеждению, и должны лечь эти революционные принципы и эти тактические задачи...»

Однако, когда эту четкую ленинскую формулировку конференция записывала, участники ее не знали, что один из лидеров союза Гутовский ведет двурушническую линию. Конференция не знала, что на II съезде партии от имени Сибирского союза по фальшивым мандатам, выданным лично Гутовским, присутствуют делегаты, оказавшиеся на съезде в лагере меньшевиков. Такими фальшивыми делегатами оказались Троцкий и Мандельберг, которые так же, как и Гутовский, скрывали от Сибирской организации свое оппортунистическое, враждебное ленинским принципам, нутро.

Наглое поведение Троцкого и Мандельберга, выступавших от имени Сибирского союза РСДРП, вызвало огромное возмущение во всех местных организациях. Сибирские революционные социал-демократы выступили с заявлением от имени союза, что «Сибирский союз и все сибирские комитеты в споре между центрами решительно встали на сторону позиции, занятой тов. Лениным», что «бывшая сибирская делегация не представляет Сибирского союза в этом вопросе...»

Большевистские позиции занимали партийные комитеты и Сибирский союз в целом и в тот момент, когда партия, под руководством Ленина, вела борьбу за созыв III съезда. Все местные организации Сибирского союза, присоединяясь к требованию о созыве III съезда, резко осуждали раскольников-меньшевиков и заявляли о своей верности позиции Ленина.

На III съезд партии был делегирован Гутовский, выдававший себя за большевика. Двурушничая, он и на этот раз вновь обманул сибирские организации: на съезд он не пошел, а оказался на конференции меньшевиков в Женеве. Приехав с этой конференции, Гутовский пытался и сибирскую организацию свернуть с большевистских позиций в лагерь меньшевиков.

Сибирские комитеты не были осведомлены о всей гнусной раскольнической деятельности меньшевиков после II съезда партии. Гутовский в то время скрыл важнейшие документы — письма Ленина и Крупской Сибирскому союзу, письма, которые вскрывали гнусное раскольническое поведение меньшевиков и самого Гутовского, требовавшего «перемирия» с меньшевиками. Ленин в письме, адресованном Сибирскому комитету, разоблачал это предложение Гутовского, как прием меньшевиков «для укрепления своих позиций».[1]

На 2-й сибирской конференции, созванной тотчас же после III съезда партии в июне 1905 года в Томске, Гутовский теперь снова использовал отсутствие материалов съезда и пытался представить дело так, что, якобы, законного по уставу съезда не получилось, а было лишь два фракционных совещания: одно — большевиков, другое — меньшевиков и что на этом-де основании их решения необязательны.

«Меньшевикам, — писал тогда Ленин, — выгодна всякая путаница, и они всячески будут плодить ее».[2] Гутовский добивался в интересах дезорганизаторской работы меньшевиков запутать сибирские организации.

В среде большевиков Сибири, в этот период, оторванных от ленинского руководства и не представлявших всей той разрушительной работы, которую вели меньшевики после II съезда, проявлялась боязнь раскола партии. Двурушнику-троцкисту Гутовскому удалось ввести в заблуждение конференцию, которая приняла решение: «стать как к той, так и к другой части партии в одинаково необязательные отношения». Это решение конференции, проходившей перед началом больших боев с царским самодержавием, сыграло свою отрицательную роль — примиренчество приводило в ряде случаев к крупным ошибкам. Даже такая крепкая большевистская организация, как красноярская, не избежала отдельных ошибок.

Материалы III съезда партии и историческая работа Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции»

---

1 «Сибирский союз РСДРП», стр. 114.
2 Ленин. Том VIII, стр. 247.

вооружили большевиков Сибири и помогли им вести решительную борьбу с меньшевиками.

Решения III съезда партии, принятые под руководством Ленина, давали ясную и четкую линию большевистской тактики в революции. Они поставили перед партией во весь рост задачу осуществления пролетариатом своей роли авангарда и вождя народной революции, задачу борьбы за союз рабочего класса и крестьянства.

Важнейшим средством свержения царизма и завоевания демократической республики съезд выдвинул вооруженное восстание народа и ставил задачей партии «принять самые энергичные меры для вооружения пролетариата и обеспечения возможности непосредственного руководства восстанием».[1]

Осуществлению этой задачи служили лозунги партии, призывавшие к массовым политическим стачкам, к осуществлению революционным путем 8-часового рабочего дня, к вооружению рабочих, к организации крестьянских комитетов для проведения революционным путем «всех демократических преобразований» вплоть до конфискации земли.

Эти призывы и лозунги партии были боевым тактическим средством в борьбе с царским правительством и имели огромное значение в деле революционной мобилизации масс. Они помогали большевикам развязывать революционную инициативу масс, вести организацию рабочих и крестьянских масс для восстания и дезорганизовать аппарат власти царского правительства.

III съезд партии вооружил партию ясной ленинской перспективой борьбы — теорией перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. «...От революции демократической, — говорил Ленин, — мы сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. Мы стоим за непрерывную революцию. Мы не остановимся на полпути».[2]

Проводниками ленинско-сталинских идей в дни революции 1905 года в Сибири были ученики и ближайшие соратники Ленина и Сталина.

Во главе читинских большевиков стояли беззаветные борцы за дело рабочего класса — И. В. Бабушкин, В. К. Курнатовский, А. А. Костюшко-Валюжанич.

И. В. Бабушкин, ученик Ленина, «крупный партийный работник, гордость партии» (Ленин), с января 1903 года отбывал административную ссылку в Якутской области, из которой он вырвался лишь в 1905 году. Вступив после ссылки в Иркутский комитет, Бабушкин вскоре выезжает в Читу и здесь с головой отдается подготовке читинских рабочих к вооруженному восстанию.

В. К. Курнатовский первую ссылку в Сибирь отбывал в девяностых годах вместе с Лениным в Енисейской губернии, в числе 17 революционных марксистов он подписал ленинский протест против экономистов. После этой ссылки В. К. Курнатовский работал

---

[1] Ленин. Том VIII, стр. 75.

[2] Там же, стр. 186.

в Тифлисе, где вместе со Сталиным проводил ленинско-искровские идеи в рабочие массы Кавказа. Попав вновь в ссылку в Сибирь, он участвует в известном вооруженном протесте группы ссыльных против произвола царских властей в Якутске, за что был осужден на 12 лет каторги. Читинские рабочие освободили его и он со всей страстью большевика отдается революции.

А. А. Костюшко-Валюжанич вместе с В. К. Курнатовским привлекался к суду по делу якутских ссыльных и получил 12 лет каторги. Он бежал с каторги и возглавлял под фамилией Григоровича боевую рабочую дружину в Чите, руководил военной работой Читинского комитета.

В Сибири в период революции 1905 года сложились и выросли соратники Ленина и Сталина С. М. Киров и В. В. Куйбышев. В Сибири в тот период работали выдающиеся профессиональные революционеры-большевики Емельян Ярославский, Григорий Крамольников, Н. Баранский и ряд других товарищей. Во главе красноярских рабочих встал М. С. Урицкий, освободившийся осенью 1905 года от трехлетней якутской ссылки.

Все они работали с огромным напряжением, отдавая все свои силы для борьбы с царским самодержавием, сплачивая сибирских рабочих и крестьян под знаменем большевистской партии.

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИИ

В русско-японскую войну Сибирь являлась ближайшим тылом военных действий на полях Манчжурии. Беспрерывной вереницей тянулись воинские эшелоны на восток — на фронт. Навстречу им медленно шли поезда, наполненные больными и ранеными солдатами.

Перед сибирскими рабочими, особенно перед сибирскими железнодорожниками, воочию раскрывалась картина всех преступлений царизма и его бездарных генералов и чиновников. Сообщения о каждом поражении армии немедленно разносились по всей линии железной дороги, проникали в массы, докатывались до деревни и вызывали острую ненависть к царскому правительству.

«Царское правительство рассчитывало, что война поможет ему укрепить свое политическое положение и остановить революцию. Но его расчеты не оправдались. Война еще более расшатала царизм».[1]

Сибирские социал-демократические комитеты, под руководством большевиков, развили активную агитацию против войны. Чуть ли не на другой же день после начала войны от имени Союзного сибирского комитета была издана прокламация «Ко всем», написанная тов. Баранским, входившим тогда в союзный комитет. Давая общую оценку войне, в которую царское правительство втянуло русский народ, прокламация пропагандировала задачу вооруженного свержения самодержавного строя. В прокламации также говорилось, что «русский рабочий класс не остановится на полпу-

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 53.

ти, он будет бороться дальше против всего буржуазного строя, за социализм».

Во всех городах Сибири были выпущены сотни тысяч прокламаций, разъяснявших грабительский характер начатой войны. Прокламации распространялись в воинских эшелонах, среди железнодорожников, на фабриках и заводах, в деревне. Прокламации призывали солдат выступить вместе с рабочими против царя и его слуг и покончить с преступной войной.

Сообщение о событиях 9(22) января 1905 года в Петербурге, о расстреле безоружных питерских рабочих царскими войсками, быстро разнеслось по всем городам Сибири, как призыв к решительным действиям против царского правительства.

Началась полоса быстро нарастающих революционных событий.

Наиболее значительные по своему политическому значению события происходят в Томске, и они связаны с именем пламенного борца, трибуна революции С. М. Кирова.

С. М. Киров появился в Томске незадолго до этих событий, в надежде поступить в технологический институт для продолжения своего образования. Для этого он поступает на вечерние общеобразовательные курсы. На курсах он близко сходится с рабочими, также посещающими эти курсы, — братьями Кононовыми, Решетовым и др., входит в марксистский кружок и затем в конце 1904 года становится членом томской социал-демократической организации.

В кружке Киров знакомится впервые с работой Ленина «Что делать?» и, охваченный гениальными идеями Ленина, весь отдается работе в социал-демократической организации. Вскоре он входит в состав «подкомитета» этой организации. Несмотря на свою молодость, Киров быстро приобретает в рабочей среде большое уважение и любовь, как непоколебимый в борьбе с врагами товарищ.

В Томске, как и везде, петербургская кровавая бойня 9 января вызвала огромное негодование.

События начались 12 января. Жандармский полковник Романов так освещает эти события в телеграмме штабу корпуса жандармов. «Вечером 12 января в Томском железнодорожном собрании на вечере... устроенном присяжными поверенными Головачевым, Висманом и Кийковым... кроме приглашенных именными билетами, самовольно явилось около 400 лиц разных профессий — студентов, рабочих, которые были заранее организованы. Ворвавшаяся толпа изменила предначертанный устроителями характер вечера..., устроила подобие митинга революционного характера, произнесено было много речей, явно противоправительственного направления. Результат речей — резолюция — организовать восстание по всей линии Сибирской дороги, забастовку томских рабочих, всеобщую уличную демонстрацию. Разбрасывались прокламации».

С этого дня Томский подкомитет развивает энергичную подготовку к вооруженной демонстрации. Демонстрация назначается на 18 января.

С. М. Киров вместе со своими друзьями Кононовыми ведет

агитацию среди рабочих и студентов за вооружение и в день 18 января идет во главе демонстрации, как сменный знаменосец.

Полиция и жандармерия также готовились к этому дню, о чем после демонстрации томский губернатор доносит министру внутренних дел: «Мною своевременно были сделаны сношения с надлежащими начальниками расквартированных в Томске воинских частей, относительно приведения последних в полную готовность к выступлению по первому требованию администрации. 17 января — накануне демонстрации — отдано распоряжение о сосредоточении в центральном — пятом полицейском участке усиленного наряда чинов городской полиции».

О самой демонстрации губернатор доносит:

«Чины полиции врезались в толпу с тем, чтобы разделить ее на две части, окружить, отобрать флаги и арестовать. В это время из толпы раздался залп из револьверов, причем помощник пристава, один околодочный надзиратель и пять городовых ранены. После этого чины полиции, обнажив шашки и стреляя из револьверов, при помощи прибывшей к месту полусотни казаков, рассеяли скопище и арестовали свыше 100 человек».

Губернатор скрывает дикую безудержную расправу, произведенную полицией.

Корреспонденция в большевистскую газету «Вперед» (№ 9) так сообщает об этой расправе:

«Истязания, каким были подвергнуты со стороны казаков и полиции рабочие и публика во время демонстрации, превосходят, действительно, все ужасы, все зверства. Были пущены в ход не только обычные кулак и плеть, но и шашки, револьверы, железные полосы, поленья и молотки, — словом все, что только попадало под руку озверевшим казакам и полицейским. Били на месте демонстрации, били и на других улицах... Били в участке, особенно, в 5-м, где прямо истязали».

Жертвой озверевших полицейских пал знаменосец демонстрации, друг Кирова — рабочий печатник Иосиф Кононов.

С. М. Киров был в первых рядах демонстрантов, руководил отражением нападения полицейских и казаков и едва спасся от расправы. Казацкая шашка разрезала лишь полу пальто Кирова.

Память Иосифа Кононова С. М. Киров увековечил листовкой «В венок убитому товарищу», которую он вместе с товарищами написал и напечатал в подпольной типографии в день похорон Кононова.

«Он умер, — написано в прокламации, — как подобает умереть всякому рядовому той великой армии, которая называется всемирным пролетариатом. Он пал, как готов пасть каждый из нас, за рабочее дело. Он пал со знаменем в руках, под сенью которого рабочий класс несет обновление всему старому миру...»

Листовка заканчивается словами боевой революционной песни:

> «Не плачьте над трупами павших борцов...
> Шагайте без страха по мертвым телам,
> Несите их знамя вперед».

Похороны Кононова, на которые собралось около двух тысяч

человек, превратились в крупную демонстрацию. Полиция на этот раз не рискнула помешать демонстрации.

Через несколько дней после похорон Кононова, 2 февраля актив партийной организации, на котором был и С. М. Киров, собрался, чтобы обсудить вопрос о новой вооруженной демонстрации. Но полицейские пронюхали о сходке, нагрянул полицмейстер с полицией и казаками и арестовал всех 46 человек, присутствовавших на сходке. В числе их был арестован и С. М. Киров.

В Красноярске на другой день после событий 9 января Красноярский комитет РСДРП выпускает прокламацию: «В России революция». Автор этой прокламации т. Крамольников прибыл в это время в Красноярск по поручению Союзного комитета.

Давая общую оценку событий в Петербурге, Красноярский комитет призывает рабочих к стачке: «Объявляйте стачку. Останавливайте поезда, братайтесь с солдатами, призывайте их отказываться идти на войну... Восставший пролетариат, которому для борьбы за свое полное освобождение, для борьбы против всего буржуазного строя нужна демократическая республика, — камня на камне не оставит от царской монархии».

Прокламация заканчивается призывом: «Примыкайте же к восстанию!».

В красноярских железнодорожных мастерских и депо началась агитация за проведение забастовки-протеста. Утром 17 января группа рабочих во главе с токарем Аргудяевым обратилась с призывом к рабочим бросать работу и выходить на демонстрацию. Мастер цеха Гомулевич попытался было воспрепятствовать этому, но его вывезли из цеха на тачке. Из мастерских вышло до 300 человек рабочих и двинулись в город. Число демонстрантов увеличилось и дошло до 2½ тысяч. По пути демонстрации разбрасывались прокламации: «К рабочим депо», «К солдатам», «Война войне» и др.

Начавшаяся стачка закончилась 20 января 1905 года.

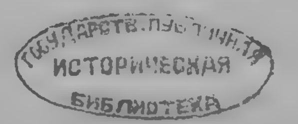
Жандармский ротмистр Митаревский шифрованной телеграммой 21 января доносил шефу жандармов: «Забастовка кончилась, к работам приступили все. За спокойствие до конца месяца все-таки не ручаюсь».

Дальнейшие события показали, что ротмистр был прав. Эта забастовка была только началом, «раскачкой для дальнейшего».

Через несколько дней после стачки появляется новая прокламация Красноярского комитета РСДРП, написанная на этот раз Н. Баранским, приехавшим на смену Г. Крамольникову. Прокламация вышла под названием: «Стачка кончилась, да здравствует стачка!».

«Мы поддержали петербургских товарищей, — говорится в ней, — мы заявили протест против войны и царской монархии». «Наша стачка была репетицией великой сибирской стачки». «Красноярская стачка окончилась, да здравствует всеобщая политическая стачка по Сибирской и Забайкальской дороге!».

В Иркутске также назревала забастовка-протест. Начальник охранного отделения ротмистр Гаврилов 16 января 1905 года доносил директору департамента полиции:

«Рабочие беспорядки в городах Санкт-Петербурге и Москве, с одной стороны, и агитация местных революционных элементов — с другой, возбудили среди местных рабочих желание поддержать своих товарищей устройством ряда забастовок с предъявлением на первых порах требований чисто экономического характера, при неисполнении же их со стороны хозяев — устроить забастовку, выставив на этот раз требования политического характера, главным образом, прекращения войны».

Такая забастовка началась в Иркутске 20 февраля. Забастовали рабочие крупнейшей типографии Макушина, предъявив в числе других требование о введении 8-часового рабочего дня. Вслед за ними забастовали рабочие типографии «Конкуренция» Окунева, а затем губернской типографии и типографии Казанцева.

4 марта рабочие всех забастовавших типографий собрались вместе и предъявили хозяевам общие требования. Забастовка прекратилась только 10 марта, когда требования рабочих были удовлетворены.

В Чите после митинга, посвященного событиям 9 января, была проведена в железнодорожных мастерских политическая забастовка.

Были выступления и в других городах.

Под влиянием революционной борьбы в стране Сибирь вступала в полосу стачек, в полосу перерастания экономических стачек в политические под лозунгом подготовки к всеобщей политической стачке. В этом направлении работали большевистские организации.

По выходе из тюрьмы С. М. Киров вновь принялся за типографскую технику, печатал и распространял листовки, одновременно руководил рабочими кружками и принимал активное участие в создании вооруженной боевой дружины комитета.

С освобождением актива из тюрьмы томская организация развертывает массовую политическую работу. Восстановленная подпольная типография издает систематически листовки, прокламации, откликаясь на все актуальные политические вопросы. За городом регулярно проводятся массовки, собирающие все большее количество участников.

Оживление политической работы в городе вынужден был признать и начальник жандармского управления. Сообщая 22 июня 1905 года в департамент полиции о сходках в Томске, он пишет:

«В последнее время и особенно после освобождения из-под стражи лиц, задержанных на сходке, бывшей в Томске 2 февраля сего года, среди которых имеется много уже хорошо освоившихся со своим делом агитаторов, сходки начали учащаться, увеличиваться по количеству участников, принимать все большую смелость и высказывать стремление к демонстративным действиям».

Томский комитет развивает кипучую работу.

1 мая (18 апреля по старому стилю) в разных местах за городом были проведены первомайские нелегальные собрания, по городу были разбросаны прокламации.

14 мая по старому стилю за городом была проведена массовка, на которой присутствовало 300 человек. 1 июня вновь проведена

массовка, на которой присутствовало уже 600 человек. Массовки стали происходить все чаще.

В первом номере «Социал-демократического листка» Сибирского союза РСДРП, изданного в июле месяце, сообщается, что массовки проходили «почти явно на глазах полиции». Эти массовки, проходившие почти каждую неделю, перестали удовлетворять рабочих. «Надо было дать простор накопившимся силам». Для этого Томский комитет РСДРП решил устроить широкий открытый митинг на могиле убитого полицией в январе этого года Кононова.

Томский комитет организовал сбор средств на сооружение памятника Кононову, провел большую агитационную работу о предстоящем митинге и накануне митинга распространил 5000 призывных листовок, в которых точно было обозначено место, день и час этого митинга.

5 июля к назначенному часу по направлению к кладбищу потянулись толпы рабочих и служащих. На митинге присутствовало, по полицейским сообщениям, до 1000 человек.

Митинг начался пением революционной песни: «Замучен тяжелой неволей», затем выступали ораторы от комитета с призывами к сплочению сил против ненавистного царского правительства. Выступали также ораторы от организации железнодорожных служащих, от революционного студенчества. Хор исполнял песни: «Смело, друзья, не теряйте», «Дружно, товарищи, в ногу».

На могилу Кононова было возложено 15 венков от разных групп рабочих и служащих. В прокламации, которая была разбросана во время траурного митинга, говорилось:

«В эти дни, дни великого гнева рабочего люда, не одна могила, много холмиков выросло по погостам обширной России...

Да здравствует жизнь! Вот для чего он умирал. Кровавые руки самодержавия рано уложили его в могилу. Но не плакать пришли мы сюда... Пусть же с этой могилы каждый уходит с новой жаждой борьбы за великое дело».

В конце собрания было поднято красное знамя и всеми торжественно была исполнена «Марсельеза».

Губернские власти настолько растерялись, что никаких мер против этой демонстрации не предпринимали.

Сведения о томских сходках дошли, наконец, до известного царского палача Трепова, и начальник департамента полиции пишет по этому поводу томскому губернатору: «Его превосходительство (Трепов) изволил указать, что означенные беспорядки вызваны не только бездействием, но даже попустительством местной администрации».

Трепов жаждал крови рабочих и толкал растерявшихся томских администраторов на кровавое искоренение «крамолы».

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДЪЕМ ЛЕТОМ 1905 ГОДА

Массовки сделали свое дело. Стачечное движение разрасталось.

На одной из массовок в Томске было принято решение о проведении забастовки в типографии Яковлева. Типографщики Яков-

лева забастовали 5 июля, вслед за ними забастовали рабочие типографий Кононова, Орлова, Макушина и епархиальной типографии. Одновременно начались забастовки в слесарно-механических мастерских Николаева, Стефаняка и Гаврилова и в двух столярных мастерских. Забастовочная волна прокатилась по всем сколько-нибудь крупным предприятиям г. Томска. Одновременно Томский комитет начинает расширять свою работу на линии Сибирской железной дороги.

Железнодорожники играли ведущую роль в революционном движении Сибири, на линию железной дороги были посланы главные силы Сибирского союза и местных комитетов.

С. М. Киров в июле 1905 года был избран в состав Томского комитета РСДРП и также выехал на станцию Тайга для подготовки всеобщей политической стачки.

Революционное движение в Сибири расширялось с каждым днем. Сообщения о митингах, о стачках приходили со всех сторон.

В прокламации Кавказского союзного комитета РСДРП «Что выяснилось?» товарищ Сталин, давая оценку этого периода революции 1905 года, писал: «Стоило только раздаться сигналу из Петербурга, стоило подняться там революционному знамени, чтобы весь российский пролетариат: русский, поляк, еврей, грузин, армянин, татарин, грек и т. д. — все, как бы условившись, отозвались единодушным братским приветом на призывный клич петербургских рабочих и бросили смертный вызов самодержавию...

...пролетариат рвется к революции...»[1]

Указ царя от 6 августа 1905 года о созыве булыгинской думы вызвал новое огромное негодование в массах.

Пытаясь «расколоть силы революции и оторвать от революции умеренные слои народа»,[2] царское правительство обещало созвать «представительное учреждение» в виде Земского собора или Государственной думы, поручив министру Булыгину разработать проект такой думы. Дума должна была носить только совещательный характер, никаких законодательных прав ей не давалось. Булыгинская совещательная дума должна была стать собранием послушных царю помещиков и капиталистов. Этой карикатурой на народное представительство царизм хотел удовлетворить буржуазию и с ее помощью «успокоить» народные массы.

Сибирские меньшевики, как и все меньшевики, признали необходимым принять участие в этом подтасованном и никчемном учреждении и призывали избрать в думу «истинных народных представителей», чтобы они могли «изнутри» думы «нападать на царское самодержавие». Большевики Сибири, следуя ленинским указаниям, объявили бойкот булыгинской думе, и под их руководством рабочие ответили на указ царя новым революционным натиском.

Наиболее крупные события в Сибири в этот период происходи-

---

[1] Приведено в книге Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье». Партиздат ЦК ВКП(б), 1937 г., стр. 51.

[2] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 59.

ли в Красноярске и в Чите, где были и наиболее сильные большевистские организации.

25 июля началась стачка в читинских железнодорожных мастерских. Стачка продолжалась 13 дней. Почти ежедневно во время стачки проходили собрания рабочих, на которых наряду с экономическими предъявлялись и политические требования. Рабочие мастерских шли за лозунгами большевистского комитета РСДРП, заявляя о своей воле вести борьбу с царизмом до полного его уничтожения.

Вслед за читинскими рабочими выступили рабочие красноярских железнодорожных мастерских и депо. 24 июля собрался актив железнодорожных мастерских, на котором был обсужден листок Красноярского комитета РСДРП «Письмо красноярских рабочих к товарищам по линии Сибирской железной дороги» с призывом к всеобщей стачке. 10 августа на собрание за рабочим поселком пришло около 2500 рабочих. Речи представителей комитета об обмане народа царской булыгинской думой, призыв ко всеобщей забастовке встречались с огромным воодушевлением. Жандармы пытались было пробраться поближе к ораторам, но были оттеснены. Приняв резолюцию, предложенную от имени комитета РСДРП, рабочие мирно направились к поселку домой. В это время дорогу им перегородила сотня казаков, ближе придвинулись воинские части, полицейские отряды. Оттеснив рабочих к забору, солдаты по сигналу полицмейстера открыли стрельбу, казаки заработали нагайками. Рабочие пытались защищаться, но они были безоружны. В этой бойне был убит рабочий железнодорожных мастерских Чальников.

В листовке о смерти Чальникова Красноярский комитет вновь призывает к стачке: «Пусть ваша стачка, — говорится в прокламации, — будет ответом на смерть Чальникова и протестом против булыгинской думы».

13 августа Красноярский комитет организовал похороны Чальникова. Похоронная процессия вылилась в огромную демонстрацию. В ней участвовало свыше 5000 рабочих и трудящихся Красноярска. На кладбище представители комитета и рабочих выступали с призывом отомстить палачам свержением самодержавия. На могилу Чальникова было возложено 15 венков.

18 августа вновь повторилось столкновение с полицией, в котором зверски был убит жандармским ротмистром молодой рабочий Гусенко, в память которого Красноярский комитет РСДРП выпустил специальную листовку.

Одновременно проходили забастовки в депо на станциях Иннокентьевская и Боготол. На станции Боготол рабочие вышли из депо с красным знаменем, на них набросились казаки, произошла схватка.

Большую работу провел в это время на станции Тайга совместно с И. Писаревым С. М. Киров. Они организовали стачечный комитет, часто проводили на станции около водокачки и в депо массовки, писали прокламации от имени тайгинских рабочих, вдохновляя и готовя их к вооруженному восстанию.

16 августа началась с большим революционным подъемом заба-

стовка в омских железнодорожных мастерских. В этот день во дворе мастерских собрался митинг. Жандармы и полицейские не могли помешать митингу, но в ту же ночь все организаторы митинга были арестованы и отправлены в тюрьму. Забастовка все же продолжалась и закончилась только 19 августа.

В конце сентября началась забастовка на Анжерских угольных копях, сначала на шахте № 6, а затем и на других шахтах. Забастовка прекратилась лишь 7 октября, когда частично были удовлетворены требования рабочих.

ВСЕОБЩАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАЧКА

Августовские стачки на Сибирской железной дороге были лишь пробой сил, приступом к всеобщей политической стачке и вооруженному восстанию.

В сентябре наступает по всей линии Сибирской железной дороги затишье — открытые выступления, стачки прекратились.

Но это было затишье перед грозой.

В октябре в России началась всеобщая политическая стачка, в которой приняло участие свыше миллиона рабочих и служащих. Замерли фабрики, заводы, прекратилось движение на железных дорогах. Стачка показала всю силу и мощь пролетарского движения.

Ленин писал в те дни:

«Барометр показывает бурю! — Так заявляют сегодняшние заграничные газеты, приводя телеграфные известия о могучем росте всероссийской политической стачки.

И не только барометр показывает бурю, но все и вся сорвано уже с места гигантским вихрем солидарного пролетарского натиска. Революция идет вперед с поразительной быстротой, развертывая удивительное богатство событий...»[1]

В испуге заметалось царское правительство, грозно поднявшаяся могучая рабочая рука грозила сбросить с трона Николая II и развеять в прах его правительство.

Всеобщая политическая стачка на сибирских железных дорогах, начавшаяся почти одновременно с всероссийской стачкой, сложилась своеобразно.

Положение осложнялось демобилизацией манчжурской армии, хлынувшей назад в Россию после заключения мира с Японией. Сибирские железнодорожники понимали огромное стремление солдатских масс скорее вернуться домой и всемерно шли им на помощь, ускоряя движение воинских эшелонов на запад.

Первыми на Сибирской дороге 13 октября забастовали рабочие железнодорожных мастерских и депо в Красноярске, затем 14 октября в Чите и Иркутске, 15 октября в Верхнеудинске и Томске, 16 октября на станции Тайга, 19 октября в Омске.

По всей дороге закипела огромная организаторская работа большевиков.

---

[1] Ленин. Том VIII, стр. 331.

Действительными хозяевами на дороге стали стачечные комитеты. Они распоряжались отправкой поездов — без санкции стачечных комитетов никакие требования железнодорожной администрации не выполнялись.

Одновременно развернулась провокаторская агитация части реакционного офицерского состава армии, пытавшегося натравить солдатскую массу на рабочих забастовщиков.

В придворных кругах, как повествует царский сатрап Витте, «боялись, что войска вернутся и совершат военную революцию».[1] Этого боялись и черносотенные генералы, однако, чтобы возбудить солдат против бастовавших рабочих, они провокационно заявляли в своих выступлениях и в печати, что задержка солдат происходит по вине забастовщиков.

Большевики Сибири разоблачали гнусную ложь черносотенного офицерства в обращениях и прокламациях к солдатам. Стачечные комитеты, прекращая работу всех служб, не только не прекращали движения воинских поездов с востока на запад, но стремились усилить его.

Стачечный комитет железнодорожных мастерских и депо Красноярска 27 ноября разослал по всей линии железной дороги, а также министру путей сообщения и начальнику Сибирской железной дороги телеграмму с требованием, «чтобы все воинские эшелоны, интендантские грузы и предметы первой необходимости перевозились без всякой задержки по Сибирской и Забайкальской железной дороге», «надзор за движением должен быть возложен на местные комитеты выборных от служащих и рабочих железной дороги».

Начальник Сибирской дороги Штукенберг послал в свою очередь также телеграмму, в которой предлагал не подчиняться никаким комитетам. Он дал распоряжение об увольнении телеграфистов, которые передавали телеграмму красноярского стачечного комитета.

Стачечный комитет омских железнодорожных мастерских и депо извещал в своем обращении к солдатам:

«На днях рабочими и служащими омских мастерских и депо была получена телеграмма Харбин — Томск, в которой сообщается, что газета начальника тыла Манчжурской армии «Восточный вестник» убеждает солдат в том, что армия не отправляется на родину из-за забастовок рабочих на железной дороге. Возмущенный этой наглой клеветой на железнодорожных рабочих, комитет от имени рабочих заявляет, что, даже в случае забастовки, «комитет обеспечит перевозку солдат и офицеров». «Мы понимаем, — говорится в объявлении, — желание товарищей солдат скорее вернуться на родину, по которой они томятся, и мы всеми силами поможем им скорее вернуться домой».

Начальник Сибирской дороги Штукенберг и командующий войсками Сибирского военного округа Сухотин, признавая свое бессилие справиться с революционными рабочими, засыпали царских министров телеграммами о немедленной помощи.

---

[1] Гр. Витте. «Воспоминания». Том II, стр. 132.

Штукенберг телеграфировал министру путей сообщения: «От Челябинска до Красноярска задержано более 4 тысяч груженных вагонов. На станции Обь стоит 16 почтовых вагонов из России». В одной из телеграмм Штукенберг требует присылки «верных» войск, в другой — не менее 300 телеграфистов, в третьей — 200 слесарей и 50 машинистов и т. д.

Сухотин в свою очередь телеграфирует военному министру: «Положение сложное и крайне тревожное... В главных центрах, даже Томске, открыто существуют крамольные комитеты. Во всех войсках округа большие волнения на почве болезненного стремления поскорее возвратиться домой... Тринадцатый корпус проезжает вполне деморализованный, эшелоны не останавливаются, несмотря ни на какие увещания».

В другой телеграмме он сообщает: «...продвижение войск регулируется и организуется местными стачечными комитетами, с которыми считается сам главнокомандующий, а генералы Холщевников, Надаров, Казбек, повидимому, совершенно лишены власти этими комитетами».

И это было действительно так.

С фактическим переходом Сибирской и Забайкальской железных дорог в руки стачечных комитетов, движение воинских поездов с демобилизованными солдатами увеличилось — вместо двух пар поездов проходило до 8—10 пар поездов в сутки. Железнодорожники, несмотря на огромные трудности, делали все, чтобы поскорее доставить солдат на родину.

Революция охватила всю страну. На смерть перепугавшийся царь и его верные слуги — министры поспешили сманеврировать — 17 октября 1905 года был опубликован манифест, в котором были обещаны народу «незыблемые основы гражданской свободы: действительная неприкосновенность личности, свобода совести, собраний и союзов».

«Неприятель, — писал тогда Ленин, — не принял серьезного сражения. Неприятель отступил, оставив за революционным народом поле сражения, — отступил на новую позицию, которая кажется ему лучше укрепленной, и на которой он надеется собрать более надежные силы, сплотить и ободрить их, выбрать лучший момент для нападения».[1]

Дальнейший ход революции подтвердил это прозорливое указание Ленина.

Отношение к царскому манифесту отражало позиции партий и классов в революции.

Либеральная буржуазия наполнила свои газеты звоном трескучих фраз о наступлении «новой эры» и сбрасывала демократическую маску, переходя к открытым выступлениям против революции.

Публицист органа либеральной буржуазии «Сибирская жизнь» Александровский так повествует о ее позициях в этот период:

«Энтузиазм, охвативший «общество» (надо читать либеральную

---

[1] Ленин. Том VIII, стр. 354.

буржуазию. — И. З.) после получения манифеста вскоре стал заметно стихать. «Общество» с опаской начало прислушиваться к идущим слухам о том, что «в деревне неспокойно», и оно с нескрываемой тревогой начало коситься на митинги... Стоя в стороне от линии репрессий местной административной власти, «общество», тем не менее, было уже готово поддерживать эту власть. «Общество» дождалось своей революции и не хотело и не верило в возможность ее дальнейшего развития и полуиспуганно, полуобиженно недоумевало, кому и что еще нужно...»[1].

Либеральная буржуазия, вожделения которой не шли дальше «упорядоченной» конституционной монархии, желала только одного — предупредить «ужасы революции».

Вслед за либеральной буржуазией, в хвосте у нее тащились меньшевики. Царский манифест они рассматривали как капитуляцию царизма и заявляли, что отныне самодержавия нет и что Россия выходит в ряды конституционных государств, пользующихся буржуазными свободами.

Томские меньшевики на другой же день после опубликования царского манифеста решили «закрепить» завоевания революции выборами «революционного самоуправления». Быстро были выдвинуты кандидаты в городскую думу, составлены списки, напечатано обращение и 19 октября проведены всеобщие выборы.

Ленин писал тогда: «Организация революционного самоуправления, выбора народом своих уполномоченных есть не **пролог**, а **эпилог** восстания. Ставить себе цель осуществить эту организацию теперь, до восстания, помимо восстания, значит ставить себе нелепую цель и вносить путаницу в сознание революционного пролетариата. Надо сначала победить в восстании (хотя бы в отдельном городе) и учредить временное революционное правительство, чтобы это последнее, как орган восстания, как признанный вождь революционного народа, могло приступить к организации революционного самоуправления».[2]

Ленин зло высмеивал тактику меньшевиков: «Заслонять или хотя бы отодвигать лозунг восстания лозунгом организации революционного самоуправления — это нечто вроде совета поймать муху и затем посыпать ее порошком от мух».[3]

Жизнь показала всю нелепость этой меньшевистской затеи в Томске. Еще не успели подсчитать результаты голосования, как черная сотня учинила в городе погром и от «революционного самоуправления» меньшевиков не осталось и следа.

Волна черносотенных погромов, организованных царским правительством, прокатилась почти по всем сибирским городам.

Особенно своей жестокостью и зверством отличается томский погром 20 октября. Вдохновителями и организаторами этого погрома были губернатор Азанчевский и епископ Макарий, а также томские купцы Кухтерин, Шадрин и другие. Перед погромом Макарий отслужил в соборе молебен и напутствовал погромщиков словами:

---

[1] Газета «Сибирская жизнь» № 4—5, 1906 г.
[2] Ленин. Том VIII, стр. 147.
[3] Там же.

«...благословляю вас на доброе дело, не жалейте врага, если бы он даже у вас просил пощады. С богом!». И пьяная орда погромщиков, во главе с переодетыми полицейскими, пошла громить.

В поисках забастовщиков погромщики окружили здание управления Сибирской железной дороги, в котором в это время было много служащих, пришедших за получкой жалованья.

Отряд боевой дружины, подходивший в это время к управлению дороги, был встречен бандой черносотенцев палками и камнями. Отряд выстрелами заставил погромщиков отступить, но затем, когда на защиту их подошли войска, они вновь набросились на дружинников. Дружинникам пришлось укрыться также в здании управления дороги. Чтобы преградить доступ погромщикам в здание, они забаррикадировали двери разной мебелью, надеясь выдержать осаду. Но погромщики, пробравшись, под прикрытием воинских частей, в первый этаж, разлили керосин и подожгли здание. С ужасом бросались люди из горевшего здания на улицу, спускались по дождевым трубам, лезли на крышу, но падали или от солдатских пуль, или от дубин и ножей черносотенцев.

Боевой дружине с частью осажденных служащих управления дороги все же удалось вырваться из горевшего здания и прорваться через толпу погромщиков. После разгрома здания управления дороги погромщики пошли громить еврейские лавки и магазины.

По докладу Азанчевского министру внутренних дел за несколько дней погрома число человеческих жертв составило 154, из них убитых 57, без вести пропавших 11 и раненых 86. Но эти цифры далеко не соответствуют действительности, на самом деле число жертв было значительно больше, многим раненым приходилось скрываться.

Одновременно в таком же порядке, то есть начиная с молебна в церкви и с благословения попа (Анемподиста), начался погром в Барнауле. Разгромив известные полиции дома общественных деятелей и избивая попадавшуюся по пути интеллигенцию, погромщики направились было громить пивной завод. Но это не входило в полицейские планы, и погромщикам там не дали разгуляться.

В Иркутске на заседании «братства святого Иннокентия» казачий полковник Попов предлагал «в одну ночь ударить в колокола, собрать народ, который уже расправится с смутьянами». Бравому офицеру не удалось осуществить эту кровавую затею. Иркутский гарнизон в составе двух сотен казачьего дивизиона, двух батальонов запасных солдат и конвойной команды не склонен был выступать на защиту погромщиков, наоборот, в нем самом назревали тогда серьезные волнения.

Не вышло с погромом и в Красноярске, где черная сотня, осадившая народный дом, в котором происходил митинг, принуждена была бежать, когда увидела, что на помощь осажденным подходит железнодорожный батальон. В перестрелке рабочей дружины, защищавшей народный дом от погромщиков, был убит дружинник Журавский.

В Омске, не дожидаясь, пока выступит черная сотня, 19 ок-

тября на демонстрантов набросилась казачья сотня и беспощадно избила и засекла многих нагайками и шашками. Вслед за казаками подняла голову и черная сотня.

Провоцируя черносотенные погромы, правительство спешило разделаться с революцией. Для большевиков было ясно, «что первая победа 17 октября, вырванная всеобщей политической забастовкой, требует от них дальнейших усилий, дальнейшей борьбы для свержения царизма».[1] Выступая на октябрьских митингах и в печати, большевики разъясняли массам, что манифест 17 октября является ловушкой и что сломить и разбить самодержавие можно только вооруженным восстанием народа.

Разгул черной сотни заставил большевиков приступить к усиленному вооружению. Во всех городах Сибири создаются вооруженные боевые дружины, энергично проводится военное обучение дружинников.

Рабочие под руководством большевиков готовились к новому натиску, к последней битве с царским самодержавием. Забастовочное движение разрасталось.

Вслед за сибирскими железнодорожниками объявляют стачку работники почты и телеграфа, различных промышленных и торговых предприятий, учащиеся средних учебных заведений.

В этот период происходят большие волнения и в солдатских массах. В Иркутске в ноябре 1905 года разразилась военная забастовка на почве требований скорейшего увольнения запасных. К забастовке присоединились все части гарнизона. Для руководства забастовкой был избран военно-стачечный комитет, который, по словам царских властей, «начал захват власти в свои руки».

Но осуществить эти цели не удалось — в военно-стачечный комитет пробрались эсеры и меньшевики, своей соглашательской политикой они провалили движение. В одной из прокламаций они «оправдывали» нерешительность в действиях военно-стачечного комитета боязнью «неорганизованного, беспринципного солдатского бунта». Начальник иркутского гарнизона генерал Ласточкин, воспользовавшись растерянностью комитета, сумел ликвидировать военную стачку.

Во Владивостоке на общем собрании 7 декабря 1905 года гарнизон, заявив о своем присоединении к народу, избрал «исполнительный комитет нижних чинов». Движение солдат разрасталось, принимало крупные размеры, но руководители комитета Шпер и Ланковский,[2] устрашившись этого движения, заняли соглашательскую позицию и вступили в переговоры с гарнизонным начальством. Предавая восставших солдат, они уговаривали их итти на соглашение с властями. Одним из предательских актов Шпера был приказ о разоружении революционной Иннокентьевской батареи. Черносотенные генералы, воспользовавшись этим, послали во Владивосток верные царю казачьи части во главе с генералом Мищенко, который и учинил кровавую расправу с восставшими солдатами.

---

[1] «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 75.

[2] Шпер — председатель солдатского исполнительного комитета, Ланковский — председатель союза железнодорожников.

Ленин писал тогда, что армия «еще не вся стала революционной. Политическая сознательность солдат и матросов еще очень низка. Но важно то, что сознание уже проснулось, что среди солдат началось с в о е движение, что дух свободы проник в казармы везде и повсюду».[1]

Военное командование больше всего боялось такого оборота дела.

Иркутский генерал-губернатор Кутайсов, когда стачка в местном военном гарнизоне еще только назревала, шлет Сухотину в Омск и Линевичу в Харбин паническую телеграмму: «В Иркутске бунт, войска бессильны против черни, улицы завалены трупами, третий день сижу забаррикадировавшись, необходимы чрезвычайные меры».

Сухотин и его генералы облегченно вздохнули только тогда, когда на основании указа царя 23 декабря 1905 года в Сибири было введено военное положение и на Сибирскую и Забайкальскую дорогу вошли карательные экспедиции.

Подавляя со всей жестокостью восстания, царское правительство одновременно стремилось нанести удар революции и другими путями. 11 декабря 1905 года царь издал закон о созыве новой, «законодательной» думы. Булыгинская «совещательная» дума была сметена октябрьской стачкой, царское правительство, маневрируя, издает закон о «законодательной» думе. Но эта дума мало чем отличалась от булыгинской думы — избирательный закон обеспечивал огромное преимущество в думе помещикам и капиталистам. Думой царь хотел отвести массы от революции и разбить ее силы.

Издание закона о новой думе вызвало новое ликование в стане либеральной буржуазии. А за ними шли меньшевики и эсеры, обманывая, вместе с кадетами, рабочих и крестьян уверениями, что время революции прошло, что теперь будет парламент, через который можно добиться необходимых народу порядков. В Иркутске лидер сибирских меньшевиков Мандельберг на митинге призывает рабочих к участию в выборах Государственной думы, толкая их на путь соглашения с буржуазией, на путь признания «царской конституции», вместо революционного натиска на царское правительство.

Однако иркутские рабочие не захотели слушать Мандельберга. В резолюции, принятой на этом митинге, они заявили: «Всякого, кто теперь при продолжающемся восстании готов сложить оружие и принять участие в подкрашенной манифестом 17 октября Государственной думе, мы объявляем предателем рабочего класса и изменником делу народной свободы».

В ответ на опубликование царского указа о выборах в Государственную (виттевскую) думу,[2] большевики развернули энергичную кампанию активного бойкота выборов в Думу, призывая рабочих к вооруженному восстанию. Большевики разоблачали новый обман царя.

---

[1] Л е н и н. Том VIII, стр. 395.

[2] Так называлась она потому, что избирательный закон был составлен под руководством министра графа Витте.

Большевики Томска в листовке, обращенной «К гражданам», говорили: «Что бы ни предпринимал царь, как бы ни задумал он обмануть народ, русский рабочий класс ответит ему: «Долой царское самодержавие!», «Да здравствует всенародное восстание!».

Октябрь—декабрь 1905 года были месяцами наивысшей точки кипения революционного движения в Сибири. Митинги, собрания, демонстрации, деятельность Советов рабочих и солдатских депутатов, стачечных комитетов, профессиональных организаций поднимали к активной политической борьбе самые отсталые группы трудящихся.

Всеобщая стачка на сибирских железных дорогах закончилась, но стачечные комитеты остались и продолжали действовать. Взяв в свои руки перевозку войск с Дальнего Востока, стачечные комитеты и Советы были на деле органами зреющего и растущего восстания, органами борьбы за власть.

Вся обстановка в этот момент говорила о том, «что всеобщая стачка, как самостоятельная и главная форма борьбы, изжила себя, что движение с стихийной, неудержимой силой вырывается из этих узких рамок и порождает высшую форму борьбы, восстание».[1]

В огне ожесточенной борьбы с царизмом родились Советы рабочих депутатов. Они «были невиданной еще в мире массовой политической организацией рабочего класса. Советы, впервые родившиеся в 1905 году, явились прообразом Советской власти, созданной пролетариатом под руководством большевистской партии в 1917 году».[2]

Такими органами новой власти в Сибири явились Советы рабочих и солдатских депутатов в Красноярске и Чите, где политическая стачка и вооруженное восстание дошли до высшей точки своего развития.

КРАСНОЯРСКИЙ СОВЕТ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ

Совет рабочих и солдатских депутатов в Красноярске вырос из стачечного комитета, созданного в октябрьские дни.

Большую организаторскую работу в октябрьские дни в Красноярске провел тов. Урицкий. Под его руководством проходили все октябрьские митинги и выступления Красноярского комитета РСДРП. Он был первым председателем Красноярского совета.

Стачка, начавшаяся 13 октября в красноярских мастерских и депо, на следующий день охватила все предприятия города. В стачечный комитет вошли представители от всех предприятий и учреждений. Стачечный комитет издает свой орган «Стачечный бюллетень», в котором сообщает о росте стачки, о решениях митингов и собраний на предприятиях.

Митинги, проходившие в большинстве в железнодорожных

---

[1] Ленин. Том X, стр. 48.
[2] «История ВКП (б). Краткий курс», стр. 75.

мастерских, с первых же дней стачки не ограничивались общими политическими резолюциями, а превратились в своего рода распорядительные совещания.

«Стачечный бюллетень» № 7 описывает один из таких митингов.

«19 октября, в 9 часов утра, комитетским оратором было открыто рабочее собрание в новом сборном цехе железнодорожных мастерских. Разбирались, главным образом, практические вопросы.

Один инженер заявил о необходимости отправить один поезд на ближайшие станции с продовольствием для служащих. Собрание рабочих, после обсуждения, решило отправлять два поезда в неделю с тем условием, чтобы никаких пассажиров и служащих с этими поездами не отправлять, кроме делегатов от рабочих...

Хозяин чугунно-литейного завода Александров, получив разрешение говорить, заявил, что он не может удовлетворить всех требований рабочих по его «бедности». Некоторые рабочие выступили против него, и речи их были покрыты единодушными одобрениями, после чего решили, если Александров вздумает прикрыть завод, то взять его на себя и продолжать работу на товарищеских началах».

Затем было рассмотрено заявление от солдат железнодорожного батальона, что их «несколько дней не кормят и не выдают жалованья. Было решено потребовать на завтра коменданта и воинского начальника».

На этом же собрании членом Красноярского комитета было предложено выбрать комиссию для разбора всех дел по частным вопросам положения рабочих и служащих, так как решение на общих собраниях всех вопросов, которые ставит революционная борьба, затягивает собрания. Так родилась «выборная комиссия от рабочих» — зародыш Совета рабочих депутатов.

20 октября комиссия была создана на общем собрании рабочих. В нее вошли представители всех цехов железнодорожных мастерских и представители рабочих городских предприятий.

На одном из первых заседаний выборной комиссии, 25 октября, как сообщает «Стачечный бюллетень» № 2, обсуждался целый ряд вопросов, из которых главнейшие: положение рабочих на шпалопропиточном заводе, на стеклоделательном заводе Корнакова, на лесопильном заводе Никольского. Было решено выработать совместно со шпалопропиточниками требования и подвергнуть их обсуждению на выбранном для этой цели бюро. Бюро потребовало у заведующего шпалопропиточным заводом от имени выборной комиссии исполнения этих требований. К владельцу лесопильного завода Никольскому были посланы представители комиссии, которые заявили ему, что «отказ его удовлетворить рабочих противоречит его обещанию в делах внутреннего распорядка подчиниться комитету рабочих». Комиссия решила в случае несогласия «позвать его на митинг для объяснений». По вопросу о положении дел на стеклоделательном заводе Корнакова было «решено отправить человека, чтобы узнать положение дел на месте и помочь рабочим выработать требования, а также опубликовать о возмутительном отношении хозяина и управляющего заводом к рабочим».

В комиссию поступали самые разнообразные заявления, в кото-

рых отдельные группы рабочих жаловались на свое бедственное положение, на ужасную эксплоатацию и просили выборную комиссию помочь им.

Группа сторожей, обращаясь к «его высокородию господину председателю выборной комиссии красноярских мастерских и депо», «покорнейше» просила «рассчитывать их поденно, так как жалованье они получают по 25 рублей в месяц и им нехватает на житье».

Десятки рабочих обращались с письменными заявлениями также к председателям митингов и непосредственно в комитет РСДРП. Так, в комитет РСДРП поступило прошение от «тружеников угольного склада станции Красноярск», в котором они просят комитет принять их под свою защиту и установить 8-часовой рабочий день. Прошение подписали 38 рабочих.

21 октября в мастерских создалась боевая дружина рабочих, которая в тот же день получила боевое крещение в первой стычке с погромщиками черной сотни, когда они пытались разгромить и поджечь народный дом. С помощью отряда из железнодорожного батальона погромщики были разогнаны. Второй железнодорожный батальон сыграл крупнейшую роль в восстании красноярских рабочих. Прибыл этот батальон в Красноярск в августе 1905 года. Военные власти рассчитывали на него, как на охранителя «порядка» на станции Красноярск, но, войдя в близкие отношения с рабочими, батальон примкнул к рабочим, сместил начальство, выбрал солдатский комитет и во главе его поставил прапорщика Кузьмина.

Пример солдат железнодорожного батальона увлек за собой и другие части местного гарнизона. С помощью Красноярского комитета партии солдаты вырабатывали и предъявляли военному начальству свои требования, с помощью рабочих добивались их осуществления. Рабочие Красноярска вырвали гарнизон из рук царского правительства.

В прокламации «Ко всем рабочим. О нашей стачке», выпущенной Красноярским комитетом 25 октября, так рассказывается о событиях этих дней.

«Мы выбрали из своей среды комиссию, состоящую из представителей рабочих различных отраслей труда, для урегулирования заработной платы, для заведывания наймом рабочих, для установления распорядка в заведениях, работающих наемным трудом, — выбрали так, как хотели, а не так, как пожелало бы начальство...

Не давая правительству опомниться, оправиться от того удара, который нанесла стачка, мы будем продолжать нашу борьбу до конца, до тех пор, пока русская монархия не будет окончательно свергнута...

Ряды приверженцев и защитников русского самодержавия — расстроены! Это показала наша стачка, наши рабочие собрания, наши народные митинги, куда являлись начальствующие лица, начиная с представителей военных властей — воинского начальника и кончая хозяевами отдельных заведений...

Мы получали целый ряд писем с выражением сочувствия или различными просьбами о защите...

...В эти дни царские слуги куда-то исчезли, и народ почти что сам правил. И это достигнуто стачкой, т. е. таким способом борьбы, который сам по себе сравнительно слаб, он может только расстраивать, расшатывать правительственную машину, но не в состоянии низвергнуть весь самодержавный строй. Низвергнуть царское правительство мы можем только путем всенародного вооруженного восстания».

Под лозунгом подготовки вооруженного восстания проходит вся работа красноярских большевиков и созданных ими революционных рабочих организаций.

Победа над черной сотней дала возможность широко развернуть работу в массах, большевистские лозунги с воодушевлением воспринимались массой рабочих.

В начале ноября «Выборная комиссия» действует как «Совет депутатов рабочих», в декабре он превращается в Совет рабочих и солдатских депутатов.

Объединение рабочих и солдат произошло на митинге в красноярских мастерских 6 декабря.

Либеральная газета «Голос Сибири» в хронике сообщает об этом митинге:

«Идут солдаты. Публика очистила места для них. Несколько человек рабочих с двумя знаменами социал-демократии пошли встречать солдат. Публика нетерпеливо ждала. Вот раздалось «ура». Показались в воротах первые ряды солдат, блеснули на электрическом свете штыки. Впереди колыхались три красных знамени, в середине солдатское с надписью «Свобода, равенство и братство», рядом с ними офицер. Солдаты шли и шли, штыки колыхались, публика восторженно махала шапками, неслось громкое многотысячное «ура».[1]

На этом митинге был организован «Объединенный Совет депутатов рабочих и солдат», который затем выпустил манифест, объявляющий переход власти в городе в руки объединенного Совета.

Выборная комиссия сохранялась в составе объединенного Совета, как организованная рабочая часть Совета. Одной из главных задач рабочей комиссии был контроль над движением на железной дороге. В первом постановлении Совета указано, что все начальствующие лица железной дороги должны по первому требованию давать отчет о своих действиях представителям комиссии. Действуя как орган Совета, комиссия взяла в свои руки продвижение эшелонов войск, эвакуирующихся из Манчжурии.

Объединенный Совет выносит свои постановления и публикует их для всеобщего сведения.

Совет создает комиссии: муниципальную, охраны порядка в городе и на железной дороге, охраны труда, охраны здоровья, судебную и управления губернией. При народном доме работает комиссия искусства и зрелищ. Во главе комиссий поставлены члены Совета. Организация работы этих комиссий была построена так: «1. Каждая из комиссий, ведая своими делами, дает отчет всему

---

[1] Цитируется по статье А. Мильштейна. «Историк-марксист» № 8, 1940 г.

Совету. 2. Председатели комиссий входят между собой в соглашение по всем важным вопросам и представляют из себя бюро Совета. 3. Каждая комиссия ведет протоколы своих заседаний. 4. Бюро имеет право назначать собрания Совета».[1]

8 декабря на митинге в сборном цехе решено было, по предложению представителя Красноярского комитета РСДРП, провести вооруженную демонстрацию.

Красноярский комитет партии в прокламации, выпущенной в день демонстрации, говорит:

«Товарищи и граждане! Сегодня должен быть великий день для вас. День, который долго не изгладится из вашей памяти. Сегодня вы впервые увидите единение граждан рабочих и войск под красным знаменем революции. Вы впервые увидите серые солдатские шинели, ружья не против себя, не против давно всеми ожидаемой свободы, а за ваши стремления, за ваши требования».

Демонстрация состоялась 9 декабря. На демонстрацию явилась боевая дружина числом до 400 человек, целиком 2-й железнодорожный батальон и другие части красноярского гарнизона. Они строем двинулись в город. По дороге к ним примыкали рабочие и служащие предприятий и учреждений. В демонстрации участвовало свыше 10 тысяч человек. После парада и речей на митинге, часть демонстрантов пошла занимать губернскую типографию, другая часть во главе с железнодорожным батальоном направилась к гауптвахте освобождать арестованных солдат.

Демонстрация прошла организованно, полиция и жандармы попрятались.

На другой день — 10 декабря — в захваченной типографии был напечатан первый номер газеты Красноярского комитета РСДРП «Красноярский рабочий».

Совет провел разоружение полиции и поручил охрану города рабочей дружине и железнодорожному батальону, но разоружение это провел не до конца, объявив населению, что «Объединенный Совет берет на себя охрану города для предупреждения грабежей и насилий и защиты свободы собраний, а розыск воров и расследование уже совершившихся краж возлагается попрежнему на полицию и судебных следователей».

Царский суд был объявлен распущенным. Действовал народный суд, выносивший свои приговоры «именем революционного народа».

Царские приспешники, оставшиеся на свободе, присмирели и на первых порах не пытались чем-либо противодействовать объединенному Совету, но втайне шла уже мобилизация контрреволюционных сил.

Наряду с черной сотней, образовавшей в октябрьские дни союз «мира и порядка», начала свою контрреволюционную агитацию местная организация партии кадетов — «партия народной свободы» во главе с местным либералом Карауловым.

---

[1] Газета «Красноярский рабочий» № 2. 1905 г.

Прослышав о том, что в Москве близится разгром восстания, кадеты начали открыто выступать против Совета.

Контрреволюция готовилась к нападению. Большевикам же Красноярского Совета приходилось преодолевать нерешительность и колебания, проявляемые в составе Совета солдатских депутатов. Меньшевики и эсеры, входившие в Совет, сеяли иллюзии, что окончательное закрепление победы революции должно дать избранное на основе демократических начал революционное самоуправление. Вместо того, чтобы расширять и закреплять захват власти, меньшевики добиваются в Совете провозглашения демократических выборов в городскую думу.

Большевики использовали подготовительную кампанию к выборам для пропаганды революционной организации масс.

«...Истинное городское самоуправление, — говорили резолюции митингов 1 и 4 декабря, — избранное на основе всеобщего, равного и прямого голосования с тайной подачей голосов, осуществимо лишь при условии полного низвержения самодержавия путем всенародного вооруженного восстания».

Большевики направляли деятельность объединенного Совета, как органа новой революционной власти, и ставили его ближайшей и основной задачей немедленное вооружение рабочих для обеспечения успеха восстания и захвата власти по всей линии железной дороги. Ведя борьбу за войско, поднимая на революционную борьбу крестьянство, Красноярский комитет партии стремился создать боевой союз рабочих, солдат и крестьян в восстании.

Однако, осуществление основной задачи — вооружение рабочих встретило противодействие со стороны прапорщика Кузьмина, примыкавшего по своим взглядам к партии эсеров. Вопрос о захвате арсенала и передаче рабочим запасных винтовок железнодорожного батальона вызвал резкие разногласия в объединенном Совете. Демагогическими выступлениями о том, что выдача оружия рабочим повлечет за собой ненужное кровопролитие, Кузьмину удалось потянуть за собой депутатов-солдат.

На собраниях и митингах, в газете «Красноярский рабочий» комитет разъяснял солдатам их задачи в революции и необходимость создания военной силы Совета в лице вооруженных рабочих и солдат.

Вместе с тем красноярские большевики совершили ошибку, не вынеся открыто и прямо разногласий в объединенном Совете на обсуждение рабочих и солдатских масс. Предпринятые комитетом меры по розыску оружия и захвату его на станции Енисей дали в итоге лишь незначительное количество его. Медлительность в вооружении и недостаток оружия особенно сказались в момент открытого нападения контрреволюции.

Царское правительство, подавив восстание в центре страны — в Москве, переходило к развернутому наступлению и в Сибири. Первый удар его был направлен на революционный Красноярск.

23 декабря Сухотин вводит в Сибири военное положение и начинает стягивать к сибирским городам надежные воинские части, чтобы начать беспощадную расправу с революцией.

29 декабря он спешит сообщить военному министру, что он только что получил депешу из Красноярска о прибытии туда накануне пяти эшелонов Красноярского полка под командой генерала Левестама, «который приступил к подавлению мятежа, окружив мастерские, в коих собрались железнодорожный батальон и вооруженные рабочие».[1]

Сухотин сообщает также, что в Красноярск командирован временный суд «для немедленного открытия действий».

Объединенный Совет знал о прибытии Красноярского полка и надеялся, что ему удастся привлечь солдат полка на сторону восставших рабочих и солдат Красноярска. 24 декабря Красноярский комитет РСДРП в листовке обращается к «солдатам Красноярского полка»:

«Товарищи солдаты! Не верьте вашим офицерам, которые вам рассказывают про нас, красноярских рабочих и солдат, разные небылицы. Не верьте вашим начальникам, которые теперь называют вас «братцами», тогда как недавно еще они не считали вас даже людьми».

Рассказывая солдатам о задачах революции и борьбе красноярских рабочих и солдат, прокламация призывала их присоединиться к народу. «Шлем вам братский привет, товарищи красноярцы», — заканчивала листовка.

Объединенный Совет депутатов от солдат и рабочих готовился торжественно встретить Красноярский полк, придавая большое значение возможности непосредственного общения восставших с солдатами полка.

Вместе с тем руководители Совета готовились к борьбе с наступавшей контрреволюцией. 27 декабря на объединенном митинге рабочих и солдат обсуждается создавшееся положение. «Без особых прений решено было защищаться до последней крайности, — вспоминает А. А. Мельников, — настроение было торжественное. Молодежь рабочая была полна энтузиазма и веры в успех».

После митинга началась энергичная работа по сооружению баррикад, в которой принимали участие и рабочие и солдаты железнодорожного батальона. Оружие, вывезенное к этому времени из железнодорожного батальона и спрятанное в надежном месте, было роздано на руки рабочим.

26 декабря Красноярск занимают части Красноярского полка. Еще до прихода этих частей ночью через лед по Енисею был введен в город Омский полк. Части этого кадрового, как и Красноярский, полка заняли входы в народный дом, где должен был состояться суд на офицером, ранившим солдата. Омский полк занял караулами часть города и правительственные учреждения. Привокзальная часть города оставалась в руках рабочих и железнодорожного батальона.

С приходом Красноярского полка военные части окружают и

---

[1] «Карательные экспедиции в Сибири в 1905—1906 гг.», стр. 82.

эту пролетарскую часть города. Опасаясь быть отрезанным от рабочих, железнодорожный батальон, покинув казармы, перешел в железнодорожные мастерские.

28 декабря город был объявлен на военном положении. Назначенный военный генерал-губернатор Редько сосредотачивает в своих руках всю власть. В 6 часов вечера 28 декабря началась осада железнодорожных мастерских, где собралось до 800 рабочих и солдат железнодорожного батальона.

Красноярский комитет РСДРП от имени осажденных выпускает листовки с призывом притти на помощь осажденным.

«Граждане, организуйте забастовки, приостановите всю жизнь в Красноярске, как было в октябрьские дни, — обращается комитет ко всем рабочим и трудящимся города. — Бойкотируйте всех офицеров, участвующих в этом гнусном деле. Отказывайтесь платить все налоги и подати... Всюду протестуйте против военного положения. Собирайтесь к месту осады. Пусть видит правительство, что вы не на его стороне...»

В этот же день 28 декабря комитет обращается с листовкой к проходящим по дороге эшелонам солдат и матросов с призывом: «Солдаты! Выручайте своих товарищей красноярских солдат и рабочих!»

Наконец, 30 декабря было напечатано «Открытое письмо осажденных». В письме говорилось:

«Товарищи и граждане! Вот уже три дня, как мы отрезаны от города и всего мира. Три дня, как мы окружены теми самыми солдатами, за права которых мы теперь боремся, как боролись и рабочие. Но эти солдаты, еще не поняв, кто их настоящий враг, может быть готовы будут, по приказанию начальства, пролить братскую кровь...

Вспомните, товарищи граждане, эти великие октябрьские дни, когда все магазины, лавки, мастерские, заводы, учреждения, школы прекратили свои дела, все бастовали ради согласия со всем российским народом, борющимся за политическую свободу нашей родины.

...Мы, осажденные, призываем всех, кому дорога истинная свобода, в ком еще не погасло чувство человечности, протестовать против военного положения в Красноярске и осадного в мастерских...

Пусть ни один магазин, ни одна мастерская, ни одно учреждение не работает, пока не будут исполнены наши ближайшие требования:

1. Освобождение всех запасных солдат и подлежащих запасу.

2. Увольнение и отправка на родину всех солдат, которые не приписаны к красноярскому гарнизону.

3. Немедленная отмена военного положения, как прямого нарушения манифеста 17 октября, добытого октябрьской стачкой всего народа.

4. Снятие осады в мастерских и удаление войск».

Но ответа осажденные не получали. В эти дни в городе шел разгул остервеневшей военщины. Никому нельзя было показаться

на улице. По городу разъезжали пьяные казаки, избивая встречных нагайками. Шли аресты всех, кто хотя бы в малейшей доле был причастен к деятельности Совета.

Стояли 30—35-градусные морозы. Уголь в мастерских истощался, холод пробирался во все помещения мастерских. Запасы продовольствия, сделанные перед началом осады, также приходили к концу. Некоторую помощь оказывали поездные бригады, оставшиеся на работе. Они перебрасывали хлеб и мясо через забор с проходящих поездов, но это заметили осаждавшие казаки и доставка таким путем продовольствия прекратилась. Была резко сокращена порция хлеба. Питались лепешками, которые пекли на листах железа.

Главным поваром была старушка Сисина, которая вместе со своей дочерью Еленой явилась в цех в первые дни осады и оставалась там до конца.

31 декабря воинские части заняли вагонный цех и отрезали осажденных от водопровода. С этого времени пришлось пользоваться водой из паровозных котлов.

Не добившись сдачи осажденных путем измора, генерал-губернатор Редько приказал начать активные действия и 2 января 1906 года начался обстрел мастерских из ружей и пулеметов. Осажденные дружно отвечали выстрелами из винтовок. В результате перестрелки, как потом выяснилось, со стороны осаждающих было убито 2 казака и 1 солдат, ранено 6 казаков и 1 солдат. Со стороны осажденных было легко ранено 8 человек.

Исчерпав все средства обороны, Объединенный Совет депутатов, обсудив положение на собрании осажденных, решил сдаться.

По решению партийного комитета группа работников организации ночью покинула мастерские и пробралась сквозь цепи воинских частей для продолжения дальнейшей революционной борьбы.

3 января 1906 года началась сдача. Рабочие и солдаты выходили из мастерских через проходную будку, сдавали оружие и затем, окруженные кольцом солдат и казаков, двинулись в тюрьму. Началась подготовка громкого судебного процесса. К суду было привлечено 220 человек, из них 116 нижних чинов железнодорожного батальона.

Красноярский Совет сдался, уступая вооруженной силе врага. Рабочие Красноярска были побеждены, но не разгромлены. Под руководством большевиков они отступали организованно, сплачиваясь вокруг партийной организации. Большевики перешли на нелегальное положение, сохраняя и укрепляя свои связи с рабочими. Царские власти вынуждены были констатировать, что «местная социал-демократическая организация во время мятежнических дней... настолько окрепла, что, несмотря на аресты, проведенные в январе 1906 г., и на то, что 15 марта было вновь заключено под стражу пять видных членов партии и взята хорошо оборудованная типография, издательская и тайная деятельность с.-д. продолжается».[1]

---

1 «Обзор революционного движения в крае». Цитируется по статье А. Мильштейна. «Историк-марксист» № 8, 1940 г.

ЧИТИНСКИЙ СОВЕТ РАБОЧИХ, СОЛДАТСКИХ И КАЗАЧЬИХ ДЕПУТАТОВ

В 1905 году особую тревогу царя и его приспешников вызывала революционная Чита. И действительно, эта тревога имела основание, ибо, как вспоминает тов. Баранский, «нигде в Сибири захват власти не зашел так далеко, как именно в Чите».

Читинская организация РСДРП, имеющая во главе ленинцев-большевиков В. К. Курнатовского, И. В. Бабушкина, А. А. Костюшко-Валюжанича (Григоровича), с первых же дней октябрьской политической стачки взяла правильное направление на вооружение рабочих, на привлечение на сторону революции солдат местного гарнизона.

Читинский комитет развернул энергичную, боевую печатную и устную агитацию.

В октябре и ноябре было издано 44 500 экземпляров листовок, воззваний. В числе их была листовка о введении явочным порядком 8-часового рабочего дня. Было издано несколько листовок к солдатам, резолюции солдатских митингов, требования солдат и т. д.

Кроме того, была издана программа РСДРП вместе с сборником революционных песен в количестве 10 000 экземпляров, уставы профессиональных союзов и т. д.

На происходящих митингах представители Читинского комитета неуклонно ставили задачу вооружения рабочих для свержения царского строя вооруженным восстанием.

Комитет разоблачает местных либералов, приветствовавших царский манифест 17 октября как «новую эру», а также эсеров и меньшевиков, призывавших к соглашению с либеральной буржуазией.

Вот что рассказывает в первом номере газета «Забайкальский рабочий» об одном из митингов:

«13 ноября. Митинг в цирке Сержа (2000 человек). Программа митинга: 1. Пролетариат и самодержавие народа. 2. Объединение или разъединение (о союзе инженеров и о союзе железнодорожных служащих). В 1-й речи говорилось о классовой борьбе пролетариата и демократической республике, как средстве в борьбе за конечную цель — социализм, во 2-й критика платформы указанных союзов, их буржуазно-либеральная сущность, желание, путем затемнения классового сознания, учесть в свою пользу борьбу пролетариата. Речь к солдатам с призывом перейти на сторону восставшего народа».

Постановка вопроса об объединении или разъединении была вызвана тем, что в Чите инженеры и служащие железнодорожного управленческого аппарата пытались обособиться в своих союзах. Читинскому комитету удалось внести раскол в их среду и добиться объединенной борьбы низших служащих вместе с рабочими.

Наиболее часто обсуждается на митингах солдатский вопрос.

В Чите имелся значительный военный гарнизон, состоявший из

2-го Читинского резервного батальона, 6-го Восточно-сибирского и 3-го запасного батальонов, 3-го железнодорожного батальона, местной конвойной команды, сотни казаков и пришедшего в конце октября 4-го Забайкальского пехотного батальона.

Общая численность читинского гарнизона достигала пяти тысяч человек.

Читинский комитет вел активную работу среди солдат гарнизона, распространял большевистскую литературу и стремился привлекать солдат на все рабочие митинги, устраиваемые в железнодорожных мастерских.

Разносторонняя и систематическая агитация позволила установить тесную связь и взаимопомощь солдат и рабочих в проведении революционных действий.

Смешанный стачечный комитет, избранный на одном из октябрьских собраний железнодорожников, служащих и рабочих различных предприятий города, уже с самого начала начал проявлять себя как орган власти.

Наряду со стачечным комитетом образовался «комитет митингов», руководство которым осуществлял Читинский комитет РСДРП. Комитет митингов занимался не только назначением и проведением митингов и собраний, но являлся своеобразной политической организацией, в которой под руководством большевиков объединились демократические организации, стоящие за революционные действия.

22 ноября стачечный комитет установил в читинских мастерских 8-часовой рабочий день. В этот же день на собрании солдат, казаков и рабочих железнодорожных мастерских был организован Совет солдатских и казачьих депутатов. В состав Совета вошли избранные солдаты — представители от всех частей читинского гарнизона.

Первым решением Совета солдатских и казачьих депутатов было решение о союзе военнослужащих, под флагом которого либералы из офицерства пытались взять под свое влияние солдатскую массу. Солдаты, руководимые большевиками, разоблачили эти попытки и не пошли на объединение с офицерским союзом.

«Забайкальский рабочий» писал по этому поводу:

«Солдаты поняли, что, определившись сами, они не могут объединиться с неопределившимися политически офицерами, они поняли, что в стремлении создать союз всех военнослужащих проглядывает кастовый дух, который отделял армию от народа, что такое слияние ослабит только силу солдат...».

Создание Совета солдатских и казачьих депутатов в Чите нашло отклик и в других военных гарнизонах Забайкалья и прифронтовой полосы. Нерчинский гарнизон делегировал в состав Читинского Совета 14 своих представителей, гарнизон Хайлара потребовал от своего начальства права сходок и выбора депутатов от каждой роты, сотни и батареи для обсуждения своих нужд.

24 ноября Читинский комитет РСДРП решил провести общегородскую демонстрацию, как демонстрацию революционных сил.

После собрания в мастерских до 5000 человек двинулись в город, к дому губернатора. Делегаты демонстрантов потребовали от губернатора Холщевникова освобождения арестованного летом 1905 года большевика Кривоносенко, двух солдат, осужденных за революционные действия, и матросов с транспорта «Прут», находившихся в заключении в Акатуйской каторжной тюрьме.[1] Губернатор вынужден был немедленно распорядиться об освобождении арестованных в городе. Освобождение же матросов «Прута» было проведено самим Советом позднее.

Митинги, собрания проходили ежедневно во всех предприятиях города, быстро нарождались профессиональные союзы рабочих, шла огромная созидательная работа. Совет рабочих, солдатских и казачьих депутатов, руководимый большевиками, шел во главе масс.

19 декабря на общегородском митинге в общественном собрании была принята резолюция об изъятии почты и телеграфа из рук правительства. В резолюции сказано, что «в случае возобновления деятельности почты и телеграфа, бойкотировать всю правительственную корреспонденцию». Переход почты и телеграфа в руки восставших в Чите, а по примеру ее и в других городах по линии Забайкальской и Сибирской железной дороги, вплоть до Красноярска, создал серьезные затруднения царскому правительству в его сношениях с Дальним Востоком. Так, телеграмму царя с карательными полномочиями генералу Ренненкампфу, находившемуся тогда в Манчжурии, пришлось посылать кружным путем через Лондон и Пекин.[2]

По примеру читинских железнодорожных мастерских 8-часовой рабочий день вводится у городских приказчиков, у работников телеграфа, у типографских рабочих.

В начале декабря происходит захват типографии, и 7 декабря выходит первый номер газеты «Забайкальский рабочий» — органа Читинского комитета РСДРП. Передовая статья этого номера начинается эпиграфом: «О, если бы Маркс был жив, чтобы видеть все это собственными глазами».

«Забайкальский рабочий» разъясняет цели революции и задачи рабочего класса в ней: «Для пролетариата нет другой дороги, — говорит передовая первого номера, — как только вперед через демократическую республику к социалистическому обществу».

С первого же номера «Забайкальский рабочий» разоблачает предательскую политику либеральной буржуазии, пытавшейся укрыться под вывеской различных союзов, — «союза инженеров», «союза торговцев», «союза союзов».

Во втором номере «Забайкальского рабочего» (от 18 декабря) перепечатывается из большевистской газеты «Новая жизнь», выходившей в Петербурге, историческая статья В. И. Ленина: «Умирающее самодержавие и новые органы народной власти».

Ленин уже тогда видел в Советах рабочих депутатов органы новой народной власти, органы восстания.

---

[1] Каторжная тюрьма в Акатуе, в 626 км от Читы.

[2] «Мемуары Витте». Том II, стр. 134.

«Октябрьская революция, — писал В. И. Ленин в этой статье, — в связи с последующими военными восстаниями, до того обессилила самодержавие, что органы новой народной власти стали самопроизвольно расти на почве, разрыхленной политической стачкой, удобренной кровью борцов за свободу. Эти органы — революционные партии и боевые организации рабочих, крестьян и других, ведущих действительно революционную борьбу, народных элементов».[1]

Статья Ленина вдохновляла забайкальских большевиков, указывала им путь для достижения победы, являлась боевой программой действий.

Вооружение рабочих Читинский комитет проводил как главную боевую задачу. Под руководством А. А. Костюшко проводится усиленная боевая подготовка рабочей дружины, достигшей к этому времени до 2000 человек.

В оружии недостатка не было. 5 декабря под руководством И. В. Бабушкина и А. А. Костюшко было захвачено 800 винтовок, хранившихся в помещении железнодорожного батальона. Позднее, в январе, удалось захватить военный груз, поступивший в читинский артиллерийский склад, и ко времени прибытия карательных экспедиций восставшие имели, по сообщению карателя генерала Ренненкампфа, более 30 тыс. винтовок, 500 тыс. патронов к ним, до 300 пудов пироксилина и других взрывчатых веществ. Из захваченных запасов оружия Читинский комитет проводит вооружение рабочих на станциях: Верхнеудинск, Хилок, Петровский завод и др. Вместе с читинской дружиной все боевые вооруженные отряды рабочих по Забайкальской дороге составляли внушительную силу — свыше 3000 человек.

Читинский Совет действовал как орган восстания, как орган революционной власти народа. Он стал фактической властью на железной дороге, он захватил в свои руки почту и телеграф, создавал свою вооруженную силу, объединяя рабочих, солдат и казаков. Он выступает организатором крестьянских, казацких и бурятских масс деревни, стремясь создать и укрепить боевой союз с крестьянством.

Учитывая напряженное продовольственное положение в Забайкалье, Совет рабочих депутатов поднимает творческую инициативу самих трудящихся в борьбе с голодом, создает продовольственную комиссию, в которую входит в качестве руководителя представитель социал-демократического комитета.

Совет рабочих депутатов диктует свою волю буржуазии. Он проводит самообложение местного купечества на содержание рабочей дружины, и купцы не посмели отказаться — на своем собрании они постановили отчислять на это дело 30 процентов причитающегося с них подоходного налога.

Одним из революционных актов Читинского Совета было освобождение политических заключенных.

В Акатуйской каторжной тюрьме были заключены матросы,

---

[1] Ленин, Том VIII, стр. 407.

участвовавшие в черноморском восстании на миноносце «Прут».

В. К. Курнатовский в статье, помещенной в четвертом номере «Забайкальского рабочего», писал об этих матросах:

«Это — наши товарищи, борцы за низвержение самодержавия, это — наши товарищи в борьбе за социализм. Цель их восстания состояла в том, чтобы притти на помощь борющемуся пролетариату...

Российская социал-демократическая рабочая партия взяла на себя обязанность освободить товарищей матросов, томящихся за стенами Акатуйской каторжной тюрьмы, вырвать их из когтей неволи и вернуть народу...».

Для этого к начальнику Акатуйской каторжной тюрьмы была послана делегация Совета во главе с В. К. Курнатовским с требованием освободить матросов. Начальнику тюрьмы было заявлено, «что, если он не подчинится требованиям об освобождении матросов, делегация перейдет к другим мерам, не считаясь уже с его властью».

Начальник беспрекословно подчинился, и 26 декабря освобожденные матросы были торжественно встречены в Чите. 30 декабря в честь матросов «Прута» был устроен митинг, на котором они рассказывали историю восстания Черноморского флота. Рабочие и солдаты Читы горячо приветствовали революционных моряков.

Большую работу Читинский комитет большевиков провел по организации профсоюзных организаций на линии железной дороги. Эта работа завершилась созывом 1 января 1906 года съезда профессионального союза рабочих мастерских и депо Забайкальской железной дороги.

Всего на этом съезде было 39 делегатов, большинство которых составляли рабочие-большевики. Съезд прошел, как яркая демонстрация единства и сплочения рабочих масс Забайкалья под знаменем большевизма.

Съезд в своих решениях заявил, что при политических выступлениях профессиональный союз рабочих «будет итти под знаменем Российской социал-демократической партии, как единственной выразительницы интересов рабочего класса». Съезд обязал профессиональные организации распространять социал-демократическую литературу и в частности газету Читинского комитета «Забайкальский рабочий».

Под руководством Читинского комитета профессиональные организации развивают огромную политическую работу в массах. По этому поводу «Забайкальский рабочий» в номере пятом отмечает: «Широкий размах революционного движения, охвативший всю линию Забайкальской железной дороги, отодвинул на задний план узко-профессиональные интересы... Лучшие из рабочих, выбранные в члены местных отделений, были втянуты в партийную работу...»

Читинский комитет большевиков стремился распространить свою деятельность и непосредственно на армию. Комитет командирует члена комитета М. К. Ветошкина («Кузьмича») в Харбин и разъездного члена комитета А. И. Попова на станцию Манчжурия.

Тов. Ветошкин провел большую политическую работу в Харбине, в результате которой харбинская организация РСДРП раскололась, большевики вышли из этой организации и образовали свою «рабочую группу РСДРП». Эта группа разоблачила меньшевиков, пытавшихся проводить буржуазное влияние на рабочих, добилась ухода массовиков-рабочих из меньшевистского стачечного комитета и образования самостоятельного рабочего комитета или, как он стал именоваться, «центрального стачечного комитета».

В декабре, по инициативе харбинских большевиков, был проведен съезд рабочих КВЖД, который в своих решениях отразил большевистские лозунги — о вооруженном восстании и захвате власти. В особом пункте решений съезд записал, что он «находит единственно благоприятным для общереволюционного дела... полный революционный захват всей власти на линиях в руки стачечных революционных комитетов».

Съезд разработал положение о «революционных стачечных комитетах», их составе и обязанностях, признав необходимым создание при них особых исполнительных комиссий.

Съезд принял предложение рабочей группы РСДРП о перевозке войск с Востока в Россию «революционными эшелонами», ибо «соприкасаясь по пути с рабочими, знакомясь с ходом революционных событий, втягиваясь в их курс, они смогут сыграть, как организованная военная сила, огромную роль в деле окончательного освобождения страны».

Забастовочные комитеты под руководством большевиков захватили в свои руки эвакуацию войск на КВЖД, как и на Забайкальской дороге.

План вооруженного восстания харбинской группы большевиков ставил задачей с помощью войск захватить всю полноту власти на линии железных дорог.

Харбинская группа вела энергичную агитацию в войсках. В Харбине образовался солдатский комитет, объявивший о присоединении гарнизона к рабочим. С фронта начали прибывать делегации.

Однако царскому правительству удалось опередить большевиков.

10 января 1906 года несколько тысяч казаков с пушками и пулеметами обрушились на рабочих Харбина.

В то же время к революционной Чите двигались карательные экспедиции — Меллера-Закомельского и Ренненкампфа.

Кипучая деятельность читинских большевиков по вооружению и боевой подготовке рабочих дружин завершается большой вооруженной демонстрацией рабочих дружин и частей местного гарнизона, организованной 9 января в день годовщины расстрела петербургских рабочих.

Передовая статья «Забайкальского рабочего», вышедшего в этот день, призывая к демонстрации, разъясняла:

«Теперь вооруженный народ под красным знаменем революции... подходит к дворцам с твердым намерением разрушить проклятые гнезда векового гнета и на развалинах их создать новое здание демократической революции... Заветы первых жертв революции,

жертв 9 января — «Жить в свободе или умереть в борьбе» — будут жить всегда в сердцах рабочего люда».

В этот день с утра в огромный сборный цех читинских мастерских стали собираться дружинники, солдаты и невооруженные рабочие и трудящиеся города. После выступления на митинге представителя комитета А. А. Костюшко и пения похоронного марша, многотысячная масса вышла из цеха и стройной колонной двинулась в город.

Очевидец и участник этой демонстрации В. Неупокоев рассказывает в своих воспоминаниях: «Вот вся многотысячная масса выстроилась под сверкающими на солнце винтовками... взметнулись ввысь алые знамена революции, скорбно зашелестели траурные лозунги и плакаты, и раздавшаяся команда «шагом марш» дружно покрылась мощными звуками рабочей марсельезы. Порядок был образцовый всюду, шествие было замкнуто с двух боковых сторон плотной цепью отборных дружинников».[1]

Демонстрация дошла до кладбища, где был похоронен рабочий Кисельников, убитый при захвате оружия в октябрьские дни офицером Шпилевским. На могиле Кисельникова был проведен митинг, после которого демонстранты разошлись по домам. Это была последняя открытая демонстрация революционной Читы.

Совет рабочих, солдатских и казачьих депутатов деятельно готовился к борьбе с приближающимися карательными экспедициями.

В эти дни читинские большевики понесли огромную незаменимую потерю — выбыли из ее рядов вдохновители и организаторы читинских рабочих И. В. Бабушкин и В. К. Курнатовский.

И. В. Бабушкин проводил большую работу по вооружению рабочих на линии Забайкальской железной дороги. Перед приездом карательной экспедиции Меллера-Закомельского он выехал с вагоном винтовок в Иркутск, но на станции Слюдянка Кругобайкальской железной дороги был схвачен карателями из поезда Меллера-Закомельского, увезен на станцию Мысовую и здесь без суда расстрелян вместе с другими пятью товарищами, захваченными карателями.

«Бабушкин пал жертвой зверской расправы царского опричника, — писал о его смерти В. И. Ленин, — но, умирая, он знал, что дело, которому он отдал всю свою жизнь, не умрет, что его будут делать десятки, сотни тысяч, миллионы других рук, что за это дело будут умирать другие товарищи-рабочие, что они будут бороться до тех пор, пока не победят...»[2]

И. В. Бабушкин был расстрелян 18 января 1906 года.

В этот же день по дороге от станции Мысовой был схвачен карателями В. К. Курнатовский.

Об аресте В. К. Курнатовского участник банды карателей Меллера-Закомельского поручик Евецкий записал в своем дневнике:

«При обыске у него найдено два паспорта: один на имя по-

---

[1] «1905 год в Прибайкалье», стр. 56.
[2] Ленин. Том XIV, стр. 397.

томственного дворянина Курнатовского, выданный Холщевниковым, второй — подложный, обвинительный акт и приговор по делу вооруженного протеста и фотографии различных моментов суда, статья против оправдывавшихся «шкурными интересами» и масса фотографических карточек с много говорящими надписями: «учителю». Теперь Курнатовский едет из Читы; роль его там еще неизвестна...»[1]

Каратели — Меллер-Закомельский и Ренненкампф, — получив царские полномочия, торопились быстрее расправиться с восставшими рабочими и разгромить революционные организации по линии Сибирской и Забайкальской железных дорог.

Поезд Меллера-Закомельского выехал из Москвы с отрядом в составе 1 генерала, 13 офицеров и 184 нижних чинов при двух орудиях и двух пулеметах. По дороге в Сибирь к экспедиции генерала-карателя были присоединены отряды подъесаула Алексеева в 200 человек и верхнеудинского гарнизона 300 человек специально для штурма Читы.

Рабочие Сибирской железной дороги, с появления Меллера-Закомельского в Челябинске, были уже осведомлены о целях его похода и делали все возможное, чтобы задержать поезд в пути. Об этом свидетельствует его письмо[2] начальнику Сибирской железной дороги.

«Мой поезд, — пишет Меллер-Закомельский, — задерживается без всяких уважительных причин. Мне необходимо скорее доехать до Иркутска, а, между тем, поезд мой, движение которого замедляется неудовлетворительным состоянием пути, еще задерживается совершенно зря на каждом разъезде. Во избежание повторения подобных случаев задержек и в пример прочим прошу вас уволить со службы начальника станции «Чебула» Лобачевского и начальника разъезда «Зеленый» Кузина за то, что они без уважительных причин позволили себе задержать мой поезд».

В дальнейшем Меллер-Закомельский прибегал уже к более свирепым мерам расправы с железнодорожниками. Первую большую бойню кровавый генерал устроил на станции Иланской.

12 января 1906 года утром рабочие Иланского депо собрались обсудить вопрос об аресте арестованных и увезенных в Канск делегатов рабочих. Собрание командировало 400 рабочих в Канск с требованием освободить делегатов. Начальник гарнизона Канска заявил им, что освобождение их делегатов зависит от Меллера-Закомельского, который скоро сюда прибудет. Рабочие вернулись на станцию Иланскую и стали ждать Меллера-Закомельского. С прибытием поезда карателя депутаты от рабочих пытались было вступить в переговоры с ним, но Меллер-Закомельский их не принял и приказал расстрелять.

В депо в это время ждали результатов переговоров до 800 человек рабочих с женами и детьми. Озверевшая банда карателей ворвалась в депо и начала беспощадный расстрел мирно собрав-

[1] «Карательные экспедиции в Сибири в 1905 — 1906 гг.», стр. 166—167.

[2] Письмо хранится в Новосибирском партархиве.

шихся людей. Не щадили никого — ни женщин, ни детей. Кто-то догадался потушить электричество и пустить пар из паровозов. Это внесло некоторое замешательство в ряды карателей, но затем они принесли фонари и вновь продолжали убийство.

В этой бойне было убито около 50 человек и много ранено. Трупы валялись не только в депо, но и в самом поселке.

Отрапортовав царю о «наведении порядка» на ст. Иланская, каратель двинулся дальше совершать свое кровавое дело.

Вешал, расстреливал, забивал насмерть шомполами.

На станции Слюдянка каратели высекли 6 телеграфистов, в их числе 18-летнюю девушку. На станции Хилок было расстреляно 7 человек. На станции Петровский завод стреляли и пороли...

Усеивая свой путь такими кровавыми подвигами, Меллер-Закомельский подвигался к Чите.

С Востока в это же время двигался другой палач — генерал Ренненкампф. Начало своего кровавого шествия Ренненкампф ознаменовал грозным приказом, разосланным по телеграфу 12 января 1906 года по линии Забайкальской и Сибирской железных дорог.

«Мне высочайше повелено водворить законный порядок на Забайкальской и Сибирской железных дорогах, почему все служащие на них подчиняются мне во всех отношениях... Не желающие подчиняться существующим законам и законным властям пусть удалятся со службы в течение 24-х часов с момента получения настоящего приказа; на каждой станции в недельный срок они должны очистить занимаемые ими казенные помещения, вторичный их прием на службу воспрещен раз навсегда.

Предупреждаю, что, в случае вооруженного сопротивления и бунта против верховной власти, я прибегну к беспощадным мерам, дабы в корне пресечь смуту, влекущую Россию к явной и неминуемой гибели...»

Произведя разгром в Харбине, расстреляв на станции Манчжурия члена Читинского комитета А. И. Попова и там же беспощадно избив демонстрантов, собравшихся отметить годовщину 9 января, Ренненкампф выступил в Читу.

Но еще до подхода к Чите карательных экспедиций, в самой Чите, в тылу восставших рабочих готовилась контрреволюция. Взамен революционных частей читинского гарнизона, отправленных на родину, в Читу перебрасывались новые воинские части, которых с большим нетерпением ждал командующий Сибирским военным округом генерал Сухотин и все притаившиеся реакционные силы сибирских городов.

Со второй половины января в Читу начали прибывать части 5-й Восточно-сибирской стрелковой дивизии. Оторванные от революционных событий, лишенные какого бы то ни было правдивого освещения событий, изолированные офицерством от общения с революционными частями, они послужили орудием подавления восставших.

Местные власти в Чите подняли голову и при содействии военного командования начали обыски и аресты. Всего с 20 по 22 ян-

варя было арестовано около 300 человек, из них 81 солдат 3-го резервного железнодорожного батальона.

Несмотря на это, решимость рабочих Читы к сопротивлению не была сломлена.

На приказ Ренненкампфа рабочие Читы ответили: «...против репрессивных мер, которые вздумает принять генерал волчьей сотни, будем бороться всеми силами, не стесняясь выбором средств, и вместе с тем, требуем немедленного освобождения товарищей, арестованных по линии, и отмены военно-полевого суда».

Рабочие под руководством большевиков готовились к отпору карателям. Железнодорожные мастерские приводились в боевую готовность, блиндировались окна, стены. Было подготовлено минирование окрестности вокруг мастерских. В сторону карателей выехали два отряда подрывников для взрыва мостов и железнодорожного пути, чтобы задержать эшелоны карателей. Выполнить это поручение рабочие-подрывники не смогли из-за недостаточной умелости. Плохо поставленная разведка помешала им выполнить и свое намерение забросать поезд Ренненкампфа ручными гранатами.

Между тем в Чите каждый день по гудку «тревога» вооруженные дружинники собирались в мастерских, обучались стрельбе, готовились к бою.

21 января 1906 года в 6 часов вечера раздался протяжный тревожный гудок. В мастерские быстро собирались дружинники, но ряды их поредели.

В 11 часов ночи раздался второй гудок. Дружинники собрались вместе. Начальник дружины Костюшко сообщает о подходе карателей к городу.

В 3 часа ночи представитель Читинского комитета большевиков объявил, что комитет считает при создавшемся положении вещей нецелесообразным открывать активные действия и предлагает товарищам разойтись по домам, по возможности сохраняя оружие.

Железнодорожные мастерские опустели.

Читинский комитет принял решение, взвесив все сложившиеся обстоятельства: изменения в составе гарнизона из-за отъезда большинства революционно-настроенных солдат на родину, сосредоточение военных сил вокруг Читы и в ней самой, невозможность быстрой мобилизации революционных отрядов области и помощи со стороны других городов Сибири — Советы и стачечные комитеты были разгромлены уже по всей линии железной дороги.

Боевое сопротивление читинских рабочих при этих условиях повело бы к полному разгрому революционного рабочего центра. Надо было отступить, но так, чтобы сохранить свои боевые силы.

Читинский комитет сделал все возможное, чтобы обеспечить условия дальнейшей революционной борьбы, сохранить партийную организацию, переведя ее в подполье, обеспечить необходимое оружие и работу нелегальной типографии.

22 января 1906 года в Читу вошли части генерала Ренненкампфа с востока и генерала Меллера-Закомельского с запада.

В городе было отобрано при обысках около 1000 винтовок, большое количество патронов, бомб, ручных гранат.

«Читинская республика», просуществовавшая почти три месяца, была подавлена.

Меллер-Закомельский, рассчитывая на кровавый разгром Читы, был недоволен таким оборотом дела. «Разгром Читы, — пишет он в докладе Николаю II, — послужил бы прекрасным уроком всем этим революционным обществам и надолго отнял бы у них охоту устраивать революцию. Бескровное же покорение взбунтовавшихся городов не производит никакого впечатления».

После «завоевания» Читы Меллер-Закомельский был отозван, в Чите остался искоренять «крамолу» Ренненкампф. В городе начались повальные обыски и аресты. В числе арестованных оказался и Костюшко-Волюжанич.

После долгих дней в вагоне-застенке Ренненкампфа, 2 марта 1906 года А. А. Костюшко вместе с другими большевиками — Столяровым, Вайнштейном и Цупсманом — был расстрелян.

«Забайкальский рабочий», выходивший с начала февраля 1906 года нелегально, писал о расстреле Костюшко: «Мужественно и гордо принял смерть наш дорогой товарищ Костюшко... Перед самым расстрелом он говорил солдатам речь...»

Геройски встретили смерть и остальные товарищи.

В. К. Курнатовский 10 марта 1906 года также был приговорен военным судом Ренненкампфа к смертной казни, но затем она была заменена ему бессрочной каторгой. Его отправили в нерчинскую каторжную тюрьму. Вскоре после этого Читинский комитет большевиков организовал побег В. К. Курнатовского в Японию, а оттуда он вынужден был переселиться в Австралию. Осенью 1911 года с помощью товарищей, совершенно больной В. К. Курнатовский переезжает в Париж, здесь он умер 19 сентября 1912 года.

Героическая смерть борцов Читинского Совета, аресты, каторжные приговоры генерала Ренненкампфа не остановили революционной работы Читинского комитета большевиков. Н. Н. Баранский, приехавший в Читу в дни, когда еще существовал осадный режим Ренненкампфа, восстановил связи организации и организовал подпольное издание газеты «Забайкальский рабочий». Появление этой газеты в Чите вновь подняло боевое настроение рабочих и вдохнуло веру в победу рабочего класса.

Подводя итоги читинскому восстанию, «Забайкальский рабочий» в № 12 писал: «Если оставить в стороне ошибки и промахи нашего комитета, ошибки неизбежные и понятные..., то ясно, что главной причиной сдачи нужно считать оторванность Читы от России... Читинское восстание показало наглядно, что революция имеет силу постольку, поскольку отдельные моменты связаны друг с другом».

Эта оценка причин поражения, написанная по живым следам читинского восстания, правильна и в равной мере определяет также и причины поражения красноярского восстания. Но не только эти причины привели к поражению вооруженные восстания 1905 года.

Отмечая главнейшие уроки декабрьского восстания, Ленин указывал, что восстание «должно быть, по возможности едино-

временно», вместе с тем со всей силой Ленин подчеркивал необходимость выполнять главное правило восстания — «отчаянно-смелое, бесповоротно-решительное наступление».[1]

Товарищ Сталин, давая в 1906 году оценку декабрьского восстания в брошюре «Текущий момент и объединительный съезд рабочей партии», об одной из главных причин поражения этого восстания писал: «...наших товарищей рассеяли потому, что декабрьское восстание было разрозненно и неорганизованно. Когда Москва боролась на баррикадах, Петербург безмолствовал; Тифлис и Кутаис готовились к штурму, когда Москва была уже «покорена»; Сибирь бралась за оружие, когда юг и латыши были «побеждены», — а это значит, что борющийся пролетариат встретил революцию раздробленным на группы, вследствие чего правительству было сравнительно легко нанести ему «поражение».

Товарищ Сталин в той же статье приводит известное высказывание Маркса: «Раз восстание начато, действуй с величайшей решительностью и переходи в наступление. Оборона — смерть всякого вооруженного восстания...»[2]

Этой политики наступления нехватало читинским и красноярским товарищам в декабре 1905 года.

Поражение восстания не сломило решимости рабочих Читы и Красноярска к дальнейшей революционной борьбе. Объединяясь вокруг большевистских подпольных организаций, они продолжали борьбу с царским правительством.

«...Будем же твердо помнить, — говорил «Забайкальский рабочий», — что только полное низвержение существующего правительства избавит от насилий военных опричников, что только силой оружия, силой общего народного восстания можно победить вооруженную и организованную шайку грабителей народа... В своей борьбе за свободу пролетариат не будет одинок, к нему примкнет сильный союзник — крестьянство, борющееся за волю и землю... Вперед же, товарищи, за дело...».

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СИБИРИ В РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 ГОДОВ

Революция 1905—1907 годов была народной революцией, направленной на ликвидацию полукрепостнического строя, на свержение царизма, — «...силой, способной одержать «решительную победу над царизмом», — писал Ленин, — может быть только народ, т.-е. пролетариат и крестьянство...»[3]

Руководящей силой революции, авангардом движения являлся пролетариат, его революционная борьба, его массовые стачки пробуждали и поднимали к борьбе крестьянство.

---

[1] Ленин. Том X, стр. 53, 51.

[2] Приведено в книге Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье». 1937 г., стр. 64.

[3] Ленин. Том VIII, стр. 62.

Крестьяне требовали передачи народу всех казенных, удельных, кабинетских и церковных земель, отмены частной собственности на землю, созыва Учредительного собрания вместо царской думы, создания революционных органов местного самоуправления вместо земских и крестьянских начальников, требовали уничтожения царской полиции.

Кровные интересы крестьянства требовали полной ликвидации помещичьего строя. В этом была основа соглашения рабочего класса и крестьянства в революции.

В Сибири так же, как и по всей России, революционное движение крестьянства развернулось под влиянием борьбы рабочего класса.

Отдаленность Сибири от центра революции, отсутствие непосредственной помещичьей кабалы обусловливали собой известные отличия революционного движения сибирского крестьянства от борьбы крестьянства в центральной России. Однако, наличие в Сибири системы колониального угнетения, захват лучших земель в наиболее густо заселенных районах огромнейшими кабинетскими имениями — владениями царской фамилии, исключительный произвол и насилия царских чиновников, полное бесправие сибирского крестьянства — все это вместе взятое не могло не толкать крестьянство Сибири на борьбу с царской властью совместно с рабочими и крестьянами всей России.

Классовое расслоение в деревнях Сибири и гнетущая власть кулака над всей деревней приводили к тому, что борьба против царских властей в деревне одновременно была направлена и против кулаков-эксплоататоров. Особенно это заметно в деревнях Алтайского округа, где кулаки были крупными арендаторами у кабинета.

***

Революционная борьба крестьянских масс в Сибири, начавшись с весны 1905 года, развернулась с особенной силой после всероссийской октябрьской стачки в конце 1905 года и продолжалась в течение всего 1906 года. Крестьянские волнения захватывали Томскую, Енисейскую и Иркутскую губернии, Забайкальскую, Амурскую, Приморскую и Якутскую области.

Наиболее широкий размах революционное крестьянское движение приняло на Алтае, где находилась крупнейшая царская вотчина — Алтайский горный округ, подчиненный непосредственно кабинету, управлявшему всеми царскими имениями.

Из 40 миллионов гектаров на территории округа в пользовании крестьян находилось не более 12 миллионов, причем крестьянское население оказывалось «в неопределенном и шатком положении, оставаясь временным арендатором кабинетских земель».[1] В интересах кабинета землеустроители время от времени уменьшали надельную землю сельских обществ. Так, например, по землеустрой-

---

1 Газета «Сибирская жизнь» от 2 мая 1906 г.

ству, проведенному на основе закона от 31 мая 1899 года, у крестьян было отрезано свыше 1350 тысяч десятин лучших земель.

Крестьяне в районе кабинетских имений должны были выплачивать оброчные подати и нести ряд других денежных и натуральных повинностей. Например, по Барнаульскому уезду крестьяне ежегодно выплачивали денежных повинностей свыше 1200 тысяч рублей, или около 13 р. 50 к. на каждую ревизскую душу.

В революции 1905—1907 годов крестьянским движением в этом районе были охвачены Барнаульский, Бийский, Змеиногорский, Кузнецкий и другие уезды бывшей Томской губернии.

Крестьяне требовали передачи в их руки кабинетских земель и лесных угодий, сложения всех недоимок. Они отказывались от уплаты оброка и других денежных и натуральных повинностей, громили и жгли усадьбы и конторы царских имений, изгоняли из деревень крестьянских начальников и арендаторов кабинетских земель. Массовый характер приняли самовольные порубки и вывозка кабинетского леса.

Ненависть крестьянских масс Алтая против кабинета, полиции и царских чиновников прорывалась в виде отдельных разрозненных выступлений еще весной 1905 года. Так, 11 мая 1905 года крестьяне села Волчиха, Барнаульского уезда, разгромили квартиру особо ненавистного им управляющего кабинетским имением. Такие же факты были и в ряде других мест.

Более широко крестьянское движение начинает развертываться с середины сентября 1905 года под непосредственным влиянием революционной борьбы в городах и промышленных центрах Сибири. В этот период движение направляется главным образом по линии массовых самовольных порубок леса в кабинетских имениях.

«Порубки скопом в Бийском имении, как и во всем округе, начались с половины сентября 1905 года, причем крестьяне огромных степных селений Бийского имения действовали в этом отношении решительнее других», — пишет в своем рапорте заместитель начальника Алтайского округа.

К концу 1905 года крестьянские волнения на Алтае приняли настолько угрожающий характер, что царские власти вынуждены были ввести военное положение по всей бывшей Томской губернии.

Несмотря на подкрепление полиции и лесной стражи имений казаками и особыми летучими вооруженными отрядами, революционное движение крестьянских масс с ноября 1905 года продолжает нарастать.

В ноябре 1905 года вспыхивают волнения крестьян в селах Павловском и Черемновском (в 40 км от Барнаула) и в районе Салаирских золотых приисков. В декабре 1905 — январе 1906 года поступают донесения о массовых самовольных порубках леса и волнениях крестьян из Змеиногорского, Павловского, Бийского, Кузнецкого, Усть-Каменогорского и других имений округа.

Управляющий Усть-Каменогорским имением Никитин в своем рапорте от 21 января 1906 года, сообщая об угрожающем положении в Бухтарминском крае и особенно на Зыряновском руднике, отмечает также, что «к настоящему времени уже доподлинно из-

вестно, что некоторые селения отказались вносить государственную земельную оброчную подать, угрожают в захвате земель, арендуемых от имения частными лицами, сельские власти в таких местах держат себя с чинами полиции вызывающе».

Об этом же сообщает управляющий Усть-Змеиногорским имением Недельский в рапорте от 17 января 1906 года, указывая на особое обострение борьбы крестьянства в связи с возвращением в села запасных солдат. «Особенно тревожное положение в Локте... день на день ждут погрома... В нескольких селениях разбиты стекла сборни, захвачены мирские деньги, должностные печати и избиты старосты. Посланный в деревню Мусорную, Локтевской волости, становой пристав был избит народом. Мелкие денежные поступления в контору имения остановились».

Управляющий Бийским имением Булавас в рапорте начальнику округа 13 февраля 1906 года сообщает об исключительно напряженном положении в уезде.

«Крестьяне многих деревень, — пишет он в этом рапорте, — избивши своих старост и старшин с писарями, прогнали их, развезли бревна, заготовленные для постройки мостов, разогнали лесную стражу и начали вырубать леса целыми обществами. Первыми начали крестьяне Усть-Чарышской пристани, Пристанской волости, и сел. Красноярского и Грязнухи, Смоленской волости, а, по примеру их, и других деревень. В бийские бора №№ 5 и 6 приезжали красноярцы с соседними деревнями партиями до 1000 человек. 15 января толпа до 300 человек села Алтайского, явившаяся к дому помощника Лаврова, потребовала, чтобы он с ними пошел в волость, где толпа эта увеличилась до 500 человек, окружила его в присутствии местного мирового судьи, священника, станового пристава, волостных и сельских властей и насильно заставила, под угрозой избить его и перестрелять всех объездчиков, написать постановление о снятии с постов стражи...

Многие из арендаторов приходят ко мне с заявлениями, что крестьяне толпами являются к ним с требованиями, чтобы они сейчас же убирались со своим имуществом и заимками с участков». Заканчивая рапорт, Булавас подчеркивает, что полиция своими силами не может оказать никакой помощи и настаивает на срочной посылке военной силы из казаков.

Подобные же сообщения и требования поступали и из всех других имений кабинета (Павловского, Чулымского, Озерного, Томского, Сузунского, Кузнецкого и других).

В рапорте управляющему кабинетом 4 марта 1906 года начальник Алтайского округа Розанов так характеризует создавшееся положение. «Власти бездействовали, наступила анархия. Чины запаса армии стали жестоко бить волостных и сельских начальников, крестьяне — отвергать всякое значение уездных властей... Народ намеревался сжечь все кордоны... Во многих местах население составляло приговоры о выдворении арендаторов округа с занимаемых ими оброчных статей... Движение в Бийском уезде носит характер революционного восстания против властей вообще, тогда как в остальных частях округа волнение можно назвать беспоряд-

ками аграрного свойства». Под термином «беспорядки аграрного свойства» скрывалась революционная борьба крестьянских масс против царя-помещика и его властей.

Тысячи крестьян были охвачены революционным движением на Алтае. По далеко не полным подсчетам Кабинета, крестьянами было вырублено и вывезено свыше 200 тысяч деревьев из лесных имений Алтайского горного округа. Почти полностью приостановились денежные поступления от крестьян.

Этот подъем крестьянского движения особенно ярко отражается в змеиногорском и бийском событиях, происходивших в декабре 1905 — январе 1906 годов. Эти события носят ярко выраженный политический характер.

В Змеиногорске провокаторская попытка устроить бойню русских крестьян с казахами во время ярмарки 20 декабря 1905 года превратилась в их совместное выступление против полиции и дружины Змеиногорского имения.

Крестьяне разгромили дом исправника и квартиру управляющего имением, разгромили контору имения и подожгли магазины трех особо ненавистных змеиногорских купцов.

В Бийске 9—10 января 1906 года в ответ на арест трех человек приехавшим помощником начальника Томского губернского жандармского управления подполковником Завьяловым тысячная демонстрация демобилизованных солдат, крестьян и мещан двинулась с красными флагами и пением революционных песен к тюрьме и, добившись освобождения арестованных, избила зарвавшегося подполковника, а, затем, посадив его в повозку, украшенную метлой, выпроводила из города.

Попытки остановить крестьянское движение с помощью карательных отрядов, отобрать у крестьян порубленный ими кабинетский лес встречали сопротивление крестьян и в ряде мест вызвали в ответ вооруженные выступления крестьянства. Такие выступления имели место в селе Гилев лог, Барнаульского уезда, в деревне Слюдянка и селе Ручьево, Змеиногорского уезда, в селе Ключи (Новообинцево), в деревне Завьялово, Бийского уезда и других. В декабре 1906 года томский губернатор телеграфировал командующему войсками Сибирского военного округа о том, что крестьяне Кузнецкого уезда упорно не платят податей и оказывают вооруженное сопротивление властям, требующим уплаты недоимок и податей. Только с посылкой карательных экспедиций и воинских частей, с организацией наступления на «бунтующие» деревни по всем правилам ведения войны, царским властям удалось к началу 1907 года подавить крестьянское движение на Алтае.

Довольно широко развернулось крестьянское движение и в соседней Енисейской губернии. Здесь движение развивалось по линии борьбы с местными властями, по линии отказа платить подати и нести натуральные повинности.

В Канском уезде, Енисейской губернии, съезд уполномоченных 12 сельских обществ, Троицко-Заозерской волости, постановил не подчиняться становому приставу и уряднику, не давать им лошадей, так как они лишь вредят креставянам, «посягая на личную и

имущественную их неприкосновенность». В ряде других мест выносились решения о бойкоте должностных лиц, упразднении земских квартир для остановок проезжающих чиновников, закрытии арестных помещений и т. п. В селах Рыбинской волости, Канского уезда (деревни Бородино, Заозерная, Рыбная и ряд других), были организованы и работали в 1905—1906 годах «революционные крестьянские комитеты». Как рассказывает один из участников такого революционного крестьянского комитета, в селе Бородино «комитет призывал крестьян не платить подати, не подчиняться начальству, не давать попу «руш» (хлеба) и не давать лошадей и квартир проезжающим через село царским чиновникам. Бородинцы целый год не платили подати, не давали попу «руш», а также сняли совсем подводы и земскую квартиру».[1]

В одном из официальных приказов енисейского губернатора указывалось, что «взыскание денежных платежей по Енисейской губернии в 1906 году прошло успешно лишь по 9 волостям Канского, 5 волостям Ачинского, двум — Красноярского и одной — Минусинского уездов, а в 46 волостях ничего не собрано».[2]

Еще летом крестьяне Минусинского, Ачинского и Красноярского уездов отказывались принимать лесные наделы, предназначенные для них землеустроительными чиновниками, заявляя, что скоро все земли и леса губернии будут переданы крестьянам бесплатно. Управляющий государственными имуществами по Енисейской губернии, в своем донесении от 12 января 1906 года, сообщает о начавшихся массовых самовольных лесных порубках в целом ряде волостей Ачинского уезда. Он указывает, что крестьяне не позволяют лесной страже составлять протоколы на эти порубки, заявляя, что «лес теперь вольный, а не казенный».

Вслед за рабочим движением развивалось крестьянское движение и в Иркутской губернии. Крестьянские митинги требуют и здесь отмены повинностей и платежей и «бунтуют» против местных властей. Движение докатывается до самых глухих углов севера.

К январю 1906 года прекратились поступления платежей и по Якутской области, причем полиция получала сведения о больших закупках якутами огнестрельного оружия.

В Забайкалье в октябре—декабре 1905 года и январе 1906 года в селах, казачьих станицах и бурятских аймаках происходили массовые сходы крестьян. Они выносили единодушные приговоры, в которых принимали политические решения о созыве Учредительного собрания и изменении всего государственного строя. В этих приговорах крестьяне выдвигали свои требования о передаче помещичьих земель и угодий в собственность крестьян и казаков, об отмене ряда повинностей и платежей, об уравнении забайкальских казаков в правах со всем остальным населением. Буряты требовали восстановления их самоуправления. В ряде приговоров казачьих

---

[1] Газета «Власть Советов» от 18 января 1931 г., г. Канск.

[2] Газета «Сибирская жизнь» № 59, за 1907 г.

станиц содержались требования об «упразднении казачьего сословия».

В некоторых случаях крестьяне и казаки Забайкалья осуществляли свои требования захватным порядком.

В Александровской волости крестьяне захватили Тыргетуевское имение, принадлежавшее царскому Кабинету. На берегу озера Байкал были захвачены рыбные промыслы, принадлежавшие иркутскому архиерейскому дому. В ряде волостей крестьяне производили самовольные порубки леса, отказывались выполнять различные повинности.

В Троицкой волости, Селенгинского уезда, крестьяне своим приговором от 29 декабря 1905 года отобрали земли у местных церковных причтов и монастырей. Буряты агинского волостного схода в конце 1905 года постановили «изъять из пользования Кабинета все местности, владеемые нами по речкам Оленгуе, Арс, Иле, Урее и пр.». В приговоре далее говорилось: к «1 января 1906 года все, что будет находиться на этих, захваченных Кабинетом участках, т. е. накошенное сено и нарубленный лес, отходит в пользу нашу, а приговор этот не подлежит отмене ни в коем случае».

Революционное движение охватило широкие слои забайкальского казачества не случайно. За десятилетие 1895—1905 годов оно выдержало три мобилизации и две войны (подавление боксерского восстания в Китае в 1901 году и русско-японскую войну). К тому же казачество было обязано являться на военную службу со своим обмундированием, вооружением и снаряжением, что не могло не вызывать в данных условиях разорения широкой массы забайкальского казачества. Особенно сильно отразилась на положении рядового казачества русско-японская война, оторвавшая свыше 50 процентов взрослого мужского населения. Неурожай 1905 года, явившийся результатом плохой обработки полей, угрожал голодом казачьим станицам. Не в лучшем положении находилось и амурское казачество. В отличие от казачества других районов России и Сибири, царское правительство не смогло использовать эти районы казачества как резерв в борьбе с революцией.

Амурское казачество принимало активное участие в революционном движении. 15 декабря 1905 года, по инициативе местной социал-демократической организации, в Благовещенске собрался войсковой казачий съезд, работа которого продолжалась по 21 января 1906 года.

Руководствуясь наказами, которые вручались делегатам съезда на станичных сходах, съезд вынес решение с требованием созыва Учредительного собрания, свободы и неприкосновенности личности, отмены казачьего сословия, отмены смертной казни, военных судов и дисциплинарных взысканий, свободы стачек, собраний и др.

Несмотря на слабость и оппортунизм своих руководителей, казачий съезд провел ряд своих постановлений захватным порядком. Съезд действовал как орган революционной власти, опираясь в этом на поддержку рядового казачества и крестьянства Амур-

ской области. 29 декабря 1905 года съезд освободил казаков от ряда повинностей и предложил казакам не исполнять никаких распоряжений пограничного комиссара по заведыванию лесами и т. д. Постановлением от 12 января 1906 года съезд предложил всем станицам не назначать амурских казаков для подавления освободительных народных движений.

Царские власти смогли подавить революционные волнения среди амурских казаков лишь после разгрома вооруженных восстаний во Владивостоке, Чите, Красноярске.

***

Крестьянское движение в Сибири развивалось под непосредственным влиянием социал-демократической большевистской агитации и пропаганды, а в ряде случаев и под прямым руководством социал-демократических комитетов, несмотря на относительную малочисленность и слабость этих организаций в Сибири.

Так, в наиболее крупном районе крестьянского движения — на Алтае большое влияние на развертывание движения оказывала барнаульская большевистская организация, выпускавшая десятки тысяч экземпляров листовок, направленных непосредственно к крестьянству. С начала 1906 года барнаульской организацией руководил присланный из Томска профессионал-большевик А. В. Маслов, работавший в Барнауле под фамилией Соколова Александра Ивановича. Барнаульский комитет проводил работу в деревне через специальную крестьянскую группу, созданную в конце 1905 года. К началу 1906 года крестьянская группа имела связи с 40 деревнями.

К сожалению, многие листовки, выпущенные барнаульской организацией, не сохранились, но и те, которые имеются в архивах, дают достаточное представление об их боевом характере. В листовках Барнаульский комитет призывал крестьян к решительной борьбе против царской власти вместе с рабочим классом и под его руководством, разоблачал конституционные иллюзии, показывая невозможность для крестьянства и народных масс России добиться удовлетворения своих нужд без революционной борьбы.

Так, в листовке «К деревенской бедноте» (февраль 1906 года) с призывом к активному бойкоту I Государственной думы Барнаульский комитет писал: «...не созываемая Дума успокоит нашу страну, прекратит российскую смуту, а общее народное восстание. Отказывайтесь все от подтасованной Государственной думы, составляйте приговоры, требуйте созыва Всенародного учредительного собрания. Отказывайтесь до созыва этого собрания платить подати и налоги и нести какие бы то ни было повинности».

Многочисленные листовки Барнаульского комитета систематически разоблачали классовую сущность политики царского правительства и бессилие созываемой I Государственной думы в изменении порядков в России, они призывали крестьян к борьбе с царскими властями, к революционным действиям — к отказу от уплаты податей, к неповиновению царским властям, к смене старых должностных лиц в волостных и сельских правлениях.

В своем обращении «Ко всем крестьянам» Барнаульский комитет призывает: «...перестанем давать им подати и другие поборы, которые они расходуют на войну со своим народом, и заявим, что никаких займов, сделанных теперешним правительством, мы не признаем и процентов по ним платить не будем».

Листовка заканчивалась боевым призывом: «Не отставайте же, крестьяне, от ваших братьев-рабочих... Помните, что поражение рабочих будет вашим поражением, а их победа будет вместе с тем и вашей победой. Вперед же, братья крестьяне! Вперед на борьбу за свободу! Перед соединенными силами миллионов крестьян и рабочих не устоят ваши враги!».

В связи с выборами во вторую Государственную думу, Барнаульский комитет выпустил также специальную листовку к крестьянам, посвященную этим выборам. Листовка указывала, что «в прошлой Думе собрались такие люди, которые хотели разжалобить волка... Не молить и просить правительство нужно, а поддерживать Российскую социал-демократическую партию. Вот что вы, крестьяне, должны делать». В качестве одного из важнейших пунктов в листовке выдвигалось требование, «чтобы вся земля, находящаяся в руках помещиков, Кабинета, церквей и монастырей была передана народу без всякого выкупа».

Боевые большевистские листовки, энергичная работа большевистских агитаторов в деревне укрепляли авторитет и влияние социал-демократических большевистских организаций среди трудящихся масс крестьянства, направляли недовольство этих масс по линии революционной борьбы совместно с рабочим классом и под его руководством против царской власти.

Не случайно поэтому в годы нового революционного подъема (1912 — 1914) Барнаульский уезд и другие районы Алтая вновь становятся очагами революционных выступлений крестьянства (село Павловское, Мормыши, Усть-Мосиха и др.). Эти районы играли значительную роль также и в партизанском движении в годы гражданской войны (1918 — 1919).

В Восточной Сибири Читинский комитет большевиков являлся подлинным организатором крестьянских масс. Его воззвания к крестьянам и казакам Забайкальской области, посылка агитаторов и нелегальной литературы в села и казачьи станицы имели большое значение в революционном подъеме крестьянства и казачества Забайкалья.

Читинский комитет политически направлял крестьянское движение. 3 января 1906 года «Забайкальский рабочий» (орган Читинского комитета РСДРП) писал, что «социал-демократия, опирающаяся на громадные массы пролетариата, будет поддерживать крестьянство в его стремлении захватить все земли».

В связи с намечавшимся на 20 января 1906 года съездом представителей от казачьих станиц, Читинский комитет разъяснял в своей газете «Забайкальский рабочий» (18 декабря 1905 года), что казаки могут добиться прочного улучшения своего положения только присоединившись к общему освободительному движению, к

той борьбе, которую ведет рабочий класс. «Для того, чтобы остановить разорение казачьего населения, казакам необходимо добиться, чтобы с них сняли разорительную военную службу, уничтожили обязанность являться на службу со своим обмундированием, вооружением и снаряжением... Еще необходимо совершенно устранить Кабинет — этого крупного хищника, завладевшего Забайкальем. Все кабинетские земли надо отобрать и передать в собственность всего населения области. Население через своих выборных само решит, как лучше распределить эти земли между казаками, крестьянами и инородцами».

Читинский Совет солдатских и казачьих депутатов в своем воззвании к казакам Забайкальской области писал: «Проснитесь, братья казаки. Доколе вы будете терпеть и молча сносить притеснения царских чиновников? Время не ждет. Рабочие и крестьяне давно вышли на борьбу. Присоединяйтесь и вы к общему делу. Кабинетские, казенные и удельные, монастырские и помещичьи земли должны быть возвращены народу. Забирайте кабинетские земли, изгоняйте дармоедов-чиновников и землемеров, берите себе леса и сенокосы, забирайте себе рубленый лес и скошенное сено. Постановите также не посылать своих сыновей в войско, пока казаки не будут уравнены в правах с другими сословиями.

Подымайтесь, товарищи казаки, примыкайте к борьбе рабочего народа за всенародное Учредительное собрание и к долголетней борьбе за освобождение от гнета богатства и капитала. Рабочие и солдаты помогут вам».[1]

В Иркутской губернии под воздействием партийных организаций и агитаторов рабочих на крестьянских сходах выносились приговоры с политическими требованиями, устраивались митинги и т. п. Имели место случаи, когда социал-демократы приходили непосредственно на помощь крестьянству. Например, когда полиция арестовала в селе Кимельтее, Иркутской губернии, руководителей крестьянского митинга, зиминская организация большевиков направила в Кимельтей вооруженную рабочую дружину, которая освободила арестованных крестьян и приезжих агитаторов.

Партийные организации не могли в то время организационно охватить всю крестьянскую массу. Однако влияние их достигалось не только прямой непосредственной работой в деревне. Агитация и пропаганда большевиков проникали в деревню тысячами каналов, прямыми проводниками ее были демобилизованные солдаты, возвращавшиеся из городов и с фронта. Они становились организаторами и вожаками крестьянских волнений, претворяя в дело полученные ими уроки классовой борьбы пролетариата.

Несмотря на жестокое подавление крестьянского движения, революция 1905 — 1907 годов дала крестьянству неизмеримый опыт, она «глубоко взрыла почву, выкорчевала вековые предрассудки, пробудила к политической жизни и к политической борьбе... десятки миллионов крестьян...»[2]

---

[1] Газета «Казарма» № 3 от 4 апреля 1906 г.
[2] Ленин. Том XX, стр. 13.

ОТСТУПЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ

«Декабрьское восстание 1905 года было высшей точкой революции. В декабре царское самодержавие нанесло восстанию поражение. После поражения декабрьского восстания начался поворот к постепенному отступлению революции. Подъем революции сменился ее постепенной убылью».[1]

Поражение красноярского и читинского вооруженного восстания, зверский разгул карательных экспедиций Меллера-Закомельского и Ренненкампфа нанесли огромный урон революционному движению в Сибири — сотни борцов за дело революции были расстреляны, повешены, сосланы на каторгу и высланы в глухие места Сибири.

Однако и в Сибири «революция еще не была подавлена. Рабочие и революционные крестьяне отступали медленно, с боями. В борьбу вовлекались новые слои рабочих».[2] Революция проникала в глубь крестьянской Сибири, начались новые волнения в гарнизонах сибирских городов.

Большевики, уйдя в подполье, расширяли и закрепляли свои связи с массами, поднявшимися к революционной борьбе. Даже в Чите, в условиях осадного положения, когда там свирепствовал Ренненкампф, читинская организация большевиков, оправившись от первых карательных дней, снова энергично принялась за работу. Именно в эти дни появляется подпольное издание читинской организации «Забайкальский рабочий». «Ренненкампф, — вспоминает тов. Н. Баранский, — взбесился от такой наглости и особым объявлением оповестил, что застигнутые в типографии будут расстреляны на месте без суда и следствия».

Энергично работают в этот период организации Красноярска, Томска, Омска, Барнаула. В Томске, под руководством С. М. Кирова, выросла и окрепла большевистская группа томской организации. Под его же руководством тайгинская организация большевиков выросла до 50 человек.

Работа С. М. Кирова прерывается его арестом в январе 1906 года, но, выйдя из тюрьмы 26 апреля, он вновь с головой отдается кипучей партийной работе.

В отчете Томского комитета за этот период сообщается, что в городе существовало 13 рабочих и 5 интеллигентских кружков, в которых велась марксистская пропаганда по программе большевистского органа партии — газеты «Пролетарий». В агитаторской группе состояло 22 товарища, которые вели агитационную работу во всех крупных предприятиях города. Однако массовую агитационную деятельность комитета, особенно в частях гарнизона, в деревне тормозило отсутствие подпольной типографии. Типографского станка в этот период не было, ранее существующие типографии Союзного комитета и Томского комитета были провалены. Прокламации приходилось размножать на гектографе и шапирографе.

---

1 «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 80.
2 Там же.

С. М. Киров поставил перед комитетом вопрос о создании образцовой нелегальной типографии, не доступной полиции. По его предложению, комитетом была выделена группа товарищей, в которую вошел и он, для создания такой типографии. В течение полутора месяцев напряженной работы типография была готова к работе, но работать в ней не пришлось. 19 июля 1906 года С. М. Киров и работавшие с ним товарищи были арестованы. С. М. Киров был вновь заключен в тюрьму и на этот раз надолго. Он вышел из тюрьмы лишь в 1908 году.

В Омске большую организаторскую работу в этот период проводит В. В. Куйбышев, приехавший в начале 1906 года из Петербурга. В омской организации засели меньшевики, В. В. Куйбышев сколачивает крепкое большевистское ядро, и вскоре меньшевистские лидеры теряют всякое влияние в организации. Приезд в Омск бежавшего из ссылки В. Л. Шанцера (Марата), революционного профессионала, члена ЦК партии, и ряда других товарищей дал организации квалифицированных партийных работников.

Омский комитет, в состав которого входил В. В. Куйбышев, проводит энергичную работу среди рабочих омских железнодорожных мастерских, укрепляет боевую рабочую дружину. Военная группа при комитете устанавливает связь с воинскими частями и выпускает ряд прокламаций «от солдат к солдатам», «к солдатам», «от офицеров к солдатам» и другие.

В день годовщины 9 января по призыву комитета проводится однодневная забастовка. Забастовка прошла организованно — в ней участвовали все рабочие железнодорожных мастерских и депо, большая часть промышленных и торговых предприятий города. В марте 1906 года комитет развивает энергичную агитацию за активный бойкот выборов в Государственную думу. В своих листовках «Гражданам», «Долой Государственную думу», комитет призывает рабочих, крестьян, солдат к революционной борьбе с царским правительством.

В октябре 1906 года, отмечая годовщину манифеста 17 октября, Омский комитет в прокламации «Ко всем гражданам» разъясняет, что вековые нужды рабочего класса разрешит не Государственная дума, а вооруженное восстание и революционное правительство в виде Совета рабочих депутатов. «Вся Россия, — говорилось в прокламации. — покроется Советами депутатов не только революционного пролетариата, но и всего русского народа. В могучем натиске вооруженного восстания победит революционный народ и Петербургский Совет рабочих депутатов станет временным революционным правительством на место правительства царя и его министров».

Но эта большевистская идея советской власти осуществиться тогда не могла, революция шла на убыль, реакция усиливалась.

В ноябре 1906 года происходит большой провал Омской организации в тот момент, когда проходила городская партийная конференция. На повестке дня конференции стояли следующие вопросы: о текущем моменте и задачах социал-демократии, об отношении к новой Думе и соглашениях с буржуазными партиями,

о беспартийном рабочем съезде и о партизанских выступлениях.

«Партия должна организовать партизанскую войну с правительством в городах и селах, — говорилось в резолюции о партизанских выступлениях, — уничтожать наиболее активных правительственных деятелей, захватывать боевые средства, разрушать планы правительства...»

Конференция проходила в ярко большевистском направлении, но закончить ее не удалось. Помещение, где происходила конференция, было окружено казаками во главе с полицмейстером, и все участники конференции были арестованы.

Были большие провалы партийных организаций и в других городах Сибири.

В конце мая 1906 года Сибирским союзным комитетом был созван 2-й областной съезд сибирских организаций. В извещении об этом съезде говорилось:

«Реакция пронеслась ураганом, но, несмотря на все ее неистовства, — работа, по крайней мере в городских организациях, не прерывалась, общие связи по району остались тоже невредимыми и к моменту 2-го съезда наши организации успели не только наверстать потери, но и вырасти... Все разрушенные организации восстановились, прибавилось 4 новых: харбинская, илано-канская, таежная и курганская. Все забранные станки заменены, прибавилось 4 новых. Всего в Сибирском союзе 15 утвержденных организаций с 9 печатными станками».

В итоге борьбы 1905 года партийные организации Сибири выросли не только количественно, не только укрепили и расширили свои связи с рабочими, с воинскими частями, с крестьянством. Они идеологически и организационно окрепли и усилились — размежевка с меньшевиками привела к тому, что теперь в большинстве организаций Сибири преобладающим влиянием пользовались большевики. Союзный комитет перешел в руки большевиков, и они восстановили его значение как руководящего центра сибирских партийных организаций.

Избранный на съезде Союзный комитет развернул большую работу по перестройке партийных организаций Сибири. До конца 1906 года были проведены во всех областях и губерниях Сибири областные, окружные и районные конференции. Созданы новые организации в Благовещенске и Владивостоке.

Во всех организациях при комитетах были созданы военные группы. Большую помощь в этом Сибирскому союзу оказал тов. Ем. Ярославский, приезжавший в 1906 году в Забайкалье для объединения военных партийных организаций.

В этот период вновь оживилась работа в Чите. Военный губернатор Читинской области Сычевский, сменивший Холщевникова, сообщает об этом командующему Сибирским военным округом генералу Сухотину: «По имеющимся у меня сведениям, революционеры рассчитывают на выдачу им оружия солдатами, вследствие чего и ожидаемых в ближайшие дни, по случаю роспуска думы, общих беспорядков, прошу распоряжения вашего превосходительства о производстве арестов и обысков агитаторов».

Такие же тревожные сведения сообщает генерал Гродеков из Харбина.

Энергичную работу среди солдат развивает и обская группа РСДРП в Новониколаевске. Она выпускает подпольную газету «Обский рабочий», военная группа комитета тесно связывается с квартируемым в Новониколаевске 6 Сибирским Енисейским полком. В полку происходят волнения на почве недовольства гнилой и тухлой провизией, которой кормили солдат. Обская группа умело разоблачает начальника сухарного завода подполковника Васильева и подрядчика Когана, обворовывавших солдат.

В июне 1906 года в Красноярске происходят волнения в лагерях Красноярского полка, того самого, который участвовал в разгроме Красноярского совета. Пребывание в Красноярске послужило для них уроком классового воспитания. Попытки военного начальства восстановить старые порядки, вызывали теперь острое возмущение, окончившееся убийством одного из офицеров.

Там же в Красноярске на собрании солдат телеграфного батальона по поводу разгона I Думы принимается резолюция, в которой они заявляют, что «мирный исход из современного положения не возможен, что только путем вооруженного восстания народ может добиться осуществления своих требований».

В Барнауле военная группа Барнаульского комитета ведет активную работу в 12-ом Сибирском Барнаульском пехотном полку, выпустив ряд прокламаций к солдатам. Солдаты выступили с обращением к крестьянам.

Солдатские и крестьянские волнения, волнения среди угнетенных народов Бурятии, Якутии, Хакассии, Горного Алтая, Киргизии были составным звеном революционных боев, происходивших в стране в половине 1906 года.

Созванная 27 апреля 1906 года I Государственная дума отражала неустойчивость положения. Революция не была еще подавлена.

Рабочие депутаты и крестьяне-трудовики выступали против царской политики и попыток буржуазных деятелей сговориться с царем за счет народа. Крестьяне-депутаты думы требовали землю: «Это — наша земля и мы пришли не покупать, а взять землю...»

Царское правительство разогнало I Думу и назначило выборы в новую Думу.

Зимой 1906—1907 года в Красноярске состоялась 3 общесибирская конференция Союза РСДРП. В извещении об этой конференции говорится: «За время от 2 областного съезда до созыва 3 конференции Сибирский союз подвергся во многих местах разгромам. Наиболее тяжелыми были провалы в Томске, Омске и Иркутске. Взято 6 типографских станков и несколько выдающихся партийных работников». Но, «несмотря на потери, — говорится дальше, — социал-демократическая работа росла. Число членов за полгода увеличилось более, чем вдвое (с 1690 до 3500 чел.)... Работает 11 нелегальных станков».

На 3 общесибирской конференции присутствовало 10 делегатов с решающим голосом, они представляли 7 партийных организаций с 1440 членами. Провалы, происшедшие летом в сибирских органи-

зациях, сказались и на составе конференции — многие организации не могли послать своих делегатов, от ряда организаций приехали меньшевики. Голосование не дало единства мнения и поэтому было решено «общих постановлений по принципиальным вопросам не выносить, а предложить вниманию местных организаций параллельные резолюции», т. е. резолюции, предложенные большевиками и меньшевиками. Это решение говорило о том, что борьба двух тактик в революции продолжается. Это была борьба двух партий — революционно-марксистской партии большевиков и соглашательской партии меньшевиков.

В период выборов в I виттевскую Думу большевики проводили активный бойкот выборов. В II Думу, когда обстановка изменилась и революция шла на убыль, большевики Сибири, следуя ленинским указаниям, принимали участие в выборах. Они использовали выборную кампанию с тем, чтобы разъяснять массам «обманчивость всяких надежд на мирный исход борьбы за власть между народом и царизмом... все бессилие и непригодность Государственной думы как законодательного учреждения и несовместимость действительно народного представительства с самодержавием». (Из резолюции большевиков на 3 Сибирской конференции).

Весь 1906 год и последующий 1907 год в Сибири еще продолжались стачки, волнения, но движение заметно ослабевало. Последним, наиболее значительным, было восстание части флотских матросов и рабочих Владивостокского порта в октябре 1907 года.

К этому восстанию велась усиленная подготовка, оно должно было начаться с выступления матросов 1-й минной роты, к которому должны были присоединиться экипажи всех стоящих на рейде военных судов — миноносцев «Скучного», «Сердитого», «Тревожного» и крейсера «Аскольд», части 12 Восточносибирского полка и рабочие порта. Но восставшие были спровоцированы на преждевременное выступление, восстание не получило необходимого размаха и было жестоко подавлено. Суду было предано около 350 человек, из них 41 человек были приговорены к смертной казни, 54 — к каторжным работам, 161 — в арестантские роты и дисциплинарные батальоны.

В связи с массовыми обысками, происходившими после разгрома восстания, были арестованы члены владивостокской социал-демократической группы, взята подпольная типография.

В пятую годовщину революции Ленин писал в своей статье «Уроки революции»: «Пять лет тому назад пролетариат нанес первый удар царскому самодержавию. Для русского народа блеснули первые лучи свободы. Теперь опять восстановлено царское самодержавие, опять царят и правят крепостники, опять повсюду насилия над рабочими и крестьянами, везде азиатское самодурство властей, подлое надругательство над народом. Но тяжелые уроки не пропадут даром. Русский народ не тот, что был до 1905 года. Пролетариат обучил его борьбе. Пролетариат приведет его к победе».[1]

[1] Ленин. Том XIV, стр. 373.

В этом итоге видел Ленин тот величайший опыт, который дала рабочему классу и крестьянству революция 1905—1907 годов.

Она показала массам, что царизм является заклятым врагом народа и что только уничтожение самодержавия даст освобождение народным массам.

Она разоблачила предательство либеральной буржуазии, выступавшей под маской партии «народной свободы», и показала, что только рабочий класс может быть действительным вождем революции, способным возглавить борьбу народных масс. Она показала, что трудовое крестьянство, несмотря на его колебания, является революционной силой, способной пойти на союз с рабочим классом против царизма. «Краткий курс истории ВКП(б)» говорит:

«За каких-нибудь три года революции (1905—1907 гг.) рабочий класс и крестьянство получают такую богатую школу политического воспитания, какую не могли бы они получить за тридцать лет обычного мирного развития. Несколько лет революции сделали ясным то, чего нельзя было бы сделать ясным в продолжение десятков лет при мирных условиях развития».

В революции 1905—1907 годов союз рабочего класса и крестьянства не был еще достаточно прочным. Крестьяне еще не понимали, что без свержения царизма они не добьются ни земли, ни воли. Значительная часть крестьян еще верила царю и надеялась на то, что царская Государственная дума удовлетворит их требования. Натиск крестьян не был достаточно решительным, его выступления были неорганизованы и распылены и не могли обеспечить победу революции. Крестьяне, одетые в солдатские шинели, проявляли колебания, и царское правительство смогло использовать армию для подавления революции. Так было и в Сибири.

Рабочие и здесь были передовой, основной силой революции, и большевики Сибири доказали свою преданность делу рабочего класса и умение бороться за его интересы.

В революции 1905 года возникли созданные революционным творчеством масс зачатки органов новой власти, органов революционно-демократической диктатуры — Советы рабочих, крестьянских, матросских, солдатских депутатов. Вооруженные восстания в Сибири выдвинули Советы в форме об'единенных Советов рабочих, солдатских и казачьих депутатов. «Это были... именно органы власти,—говорил Ленин о Советах, — несмотря на всю их зачаточность, стихийность, неоформленность, расплывчатость в составе и в функционировании».

Революция 1905—1907 годов заложила основы прочного союза рабочего класса и крестьянства. «Без «генеральной репетиции» 1905 года победа Октябрьской революции 1917 года была бы невозможна». (Ленин).

